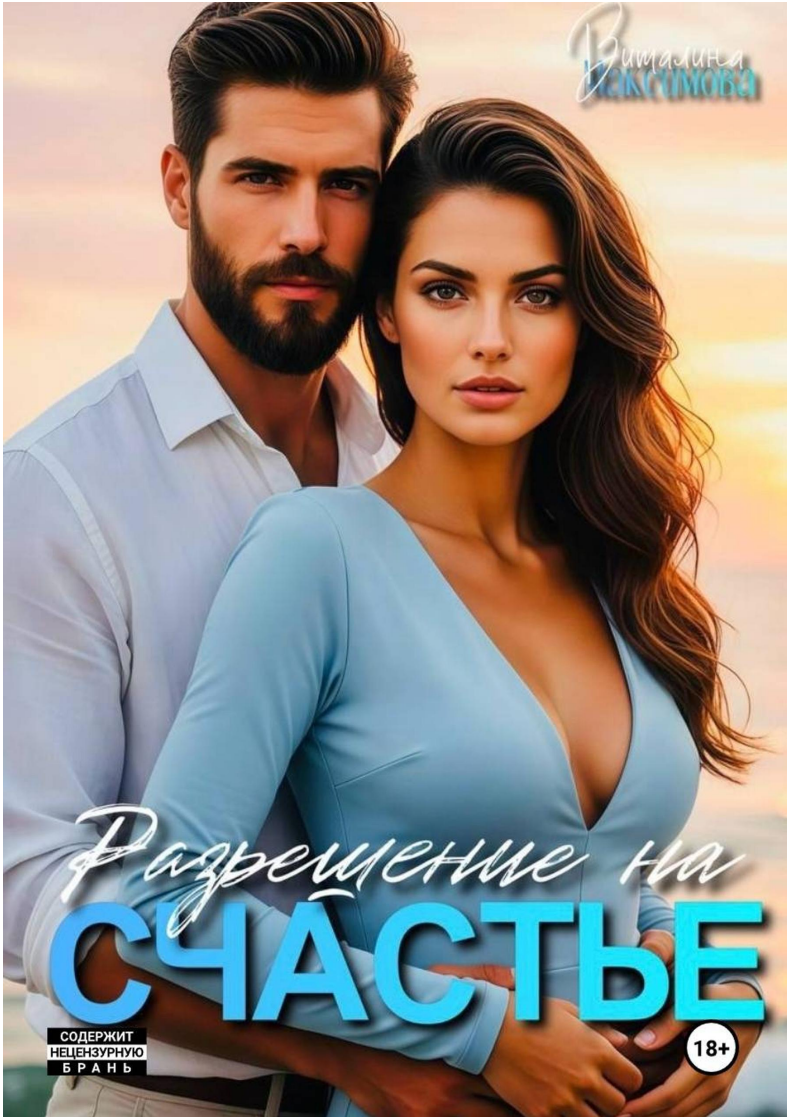
Виталина Бекчимова
Разрешение на
СЧАСТЬЕ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Виталина Максимова
Разрешение на счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73547103
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера:

Я думала, что наконец-то научилась жить без любви. Убежала от всего – от боли, от прошлого, от него. Построила тихую жизнь у моря. Никаких привязанностей. Никаких чувств. Я почти поверила, что мне так лучше. Что я свободна и счастлива в своём одиночестве. Но всё рушится в один миг.

Снова появившись в моей жизни Артем Макаров требует ответов, а я прячу правду глубоко внутри.

Артём:

Я искал её полтора года. Перерыл десятки городов и в конце-концов потерял надежду. И начал жить дальше – новая работа, новая женщина. Я думал, что справился. Что она осталась в прошлом. Но судьба решает иначе.

Вера Смирнов построила новую жизнь без меня и притворяется, что счастлива. Я не готов отпустить ее снова и хочу вернуть нас Даже если придётся разрушить всё, что она выстроила.

Между нами – старые раны, новая ложь и то, что мы так и не научились признавать вслух. Разрешение на счастье ещё нужно заслужить. И мы оба знаем, что это будет больно.

1 часть "Разрешение на любовь"

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 36
Глава 6 42
Глава 7 52
Глава 8 57
Глава 9 65
Глава 10 74
Глава 11 81
Глава 12 90
Глава 13 101
Конец ознакомительного фрагмента. 105

Виталина Максимова
Разрешение на счастье

Пролог

Я стояла на балконе, прислонившись к перилам, и курила. Дым поднимался тонкой струйкой, растворяясь в холодном вечернем воздухе, а внизу привычно шумел город – смех детей, играющих в снежки, стайка девочек, записывающих тик-ток, шелест колес машин на перекрестке и звонкий сигнал трамвая.

Смотрела вдаль – туда, где крыши сливались с подсвеченным небом в одну темную полосу, и пыталась не думать. Но мысли всё равно лезли, сделала очередную глубокую затяжку, кутаясь в пуховик и хмыкнула.

Перевела взгляд на столик рядом. На нём лежало белое, с золотыми листочками, чуть приоткрытое приглашение.

Я увидела кусочек текста:

«…рады пригласить вас на торжество по случаю нашего бракосочетания… в 19:00 по адресу…»

Мне не нужно было читать все. Я знала каждое написанное там слово наизусть.

Сегодня. Он женится сегодня. А я стою здесь, держу тонкую сигарету дрожащими пальцами и смотрю на небо. Пы-

таясь убедить себя, что все нормально.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось – не боль, не злость или растерянность, а нечто среднее, больше похожее на смирение.

Ты же хотела, чтобы он был счастлив. Ты сама дала ему это право. Ты сама сделала этот выбор. Тогда почему сейчас хочется разбить стеклянную пепельницу об пол, разгромить столик с проклятой бумажкой, и вообще все, что попадется под руку?

Вздохнула. Глубоко, до острой боли в груди. Затянулась ещё раз, медленно выпустила дым, глядя, как он улетает.

Не поеду. Не могу. Не должна.

Но если не поеду – буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Взяла телефон с края столика. Экран загорелся:

18:02.

Затушила сигарету о перила. Пальцы все еще дрожали.

До 19:00 осталось пятьдесят восемь минут.

Глава 1

Вера

Я проснулась от мягкого света, проникающего сквозь тонкие занавески. Солнце только-только начинало свой путь над горизонтом, окрашивая небо в нежные оттенки розового и оранжевого.

Море за окном тихо шумело, и этот звук успокаивал меня. Год назад, когда я только приехала в Бетту*, я думала, что это место станет для меня очередным временным убежищем, в котором я снова попытаюсь потеряться в красотах Черноморского побережья.

Но оно зацепило меня своими тихими улочками, цепочкой гор, дикими пляжами и той особой атмосферой уединения, которая не давила, а обнимала, словно большое мягкое одеяло.

Именно здесь я нашла не просто крышу над головой, а дом. Квартирка над кофейней, в которой я работала, с видом на бесконечную синеву моря, стала моим личным раем. Я снимала её за копейки у хозяина заведения – милого старичка по имени дядя Коля, который видел во мне что-то вроде дочери.

Жизнь здесь текла размеренно, без тех бурь, что бушевали во мне раньше. Я научилась ценить это спокойствие.

Встав с постели, подошла к окну и распахнула его на-

стежь. Свежий морской воздух ворвался в комнату, неся с собой запах соли. Внизу, на небольшой площади поселка, уже начиналась жизнь: рыбаки тащили снасти к лодкам, а ранние туристы фотографировали рассвет.

Я подумала о том, как изменилась за эти полтора года. Когда я уехала из Питера, сломав сим-карту и оставив позади всех, кого любила, чувствовала себя разбитой. А сейчас не жалела о принятом решении.

Здесь я работала бариста в единственной кофейне поселка – "Морской Бриз". Оказалось, варить кофе не так уж сложно. Пара уроков от дяди Коли, немного практики, и я уже готовила латте с идеальной пенкой и раф с сиропом, который хвалили все. Эта работа дарила мне радость – общение с людьми без привязанностей, просто улыбки и приятные беседы.

Я быстро умылась в маленькой ванной, надела любимую белую блузку и джинсы, собрала отросшие волосы в высокий хвост. Сварила себе кофе – крепкий, без молока и сахара, чтобы взбодриться. С чашкой в руках я вышла на балкон и села в старое плетеное кресло, наблюдая, как красиво солнце отражается от поверхности воды.

И тут же подумала:

Как же хорошо, что я здесь.

Нет больше тех ночей, когда мысли о прошлом не давали уснуть. Теперь я просто проживаю день за днем, не думая о будущем и пережитом ранее. Конечно, иногда воспоминания

накатывали – смех подруг, лепет Вани, рисунки Полины и… его глаза. Но я научилась отгонять их. Все это осталось в Питере, а здесь была новая Вера – позитивная, открытая, с частой улыбкой на лице.

Я училась жить заново, и, кажется, у меня получалось.

Спустя полчаса я спустилась по узкой лестнице прямо к кофейне. "Морской Бриз" был уютным местечком: деревянные столы, плетёные стулья, полки с книгами и ракушками, огромные окна с видом на море.

Запах свежемолотого кофе смешивался с ароматом булочек, которые пекла наша повариха, тетя Маша. Она уже была на месте, вытирая стойку.

– Доброе утро, Верочка! – приветствовала она меня с широкой улыбкой.

Тетя Маша была полной женщиной лет пятидесяти, с румяными щеками и руками, всегда испачканными мукой. Она стала для меня почти как мама – всегда готова выслушать без осуждения и никогда не лезть в душу.

– Доброе, тетя Маша! Что сегодня печем? – ответила, надевая фартук и включая кофемашину. Она громко зажужжала, прогреваясь.

– Круассаны с шоколадом и слойки с вишней. Туристы вчера все расхватали, так что сегодня хочу сделать двойную порцию, – сообщила она, кивая на духовку, откуда уже чувствовался аппетитный запах.

Я кивнула и начала готовить стойку к открытию: расстав-

ляла чашки, проверяла сиропы – ванильный, карамельный, ореховый, кокосовый.

Мысли текли плавно.

Сегодня будет очередной хороший день. Солнце светит, море спокойное, а вечером нужно обязательно прогуляться по пляжу.

Я чувствовала себя в гармонии с миром. Нет, я не забыла боль, но научилась жить с ней, превратив в фоновый шум. Работа помогала – каждый день новые лица, новые разговоры, и я всегда была на позитиве. Вернее, всегда старалась быть. И вроде как делала это успешно, ведь клиенты замечали это, и многие возвращались именно из-за моей улыбки.

Колокольчик на двери звякнул – первый посетитель. Им оказался дядя Коля, хозяин кофейни, с газетой под мышкой.

– Доброе утро, мои прекрасные девочки! Вер, сделай-ка мне эспрессо покрепче, – громко произнес он, усаживаясь за барную стойку.

– Одно мгновение, дядь Коль, – ответила, широко улыбаясь. Налила воду в машину, засыпала кофе и нажала кнопку. Машина зашипела, и через минуту чашка с ароматным напитком стояла перед ним.

– Как ночка прошла? Туристы не шумели?

– Да нет, тихо все было. А ты, Верочка, выглядишь такой свеженькой. Жизнь на море явно тебе к лицу, – подмигнул он, делая глоток.

Я рассмеялась:

– Спасибо! Но, по-моему, оно всем к лицу. Хотите круассан? Тетя Маша только что испекла.

– Конечно, красавица моя.

Пока он наслаждался вкусной выпечкой, зашли первые туристы – молодая пара из Москвы, судя по их разговорам. Они подошли к стойке, оглядывая интерьер.

– Добро пожаловать в кафе “Морской бриз”! Что желаете заказать?

– Ой, Вова! Смотри, как здесь уютно! Девушка, нам два капучино и по пирожному, вон тому, с оранжевой глазурью, – проговорила девушка, улыбаясь.

– Сейчас сделаю. Вы в Бетте впервые? – спросила, начиная взбивать молоко.

– Да, приехали вчера. У вас тут очень красиво. Прям как в сказке! – ответил парень.

Спустя пару минут я подала им кофе:

– Наслаждайтесь! Приятного дня! Если что-то нужно, зовите.

Они кивнули, и я вернулась к кофемашине, чувствуя прилив энергии.

Такие моменты радовали: люди приходили уставшие от дороги, а уходили довольными. Следующими были постоянные клиенты – местные жители. Первым зашел дедушка Миша, рыбак с седой бородой.

– Верочка, как всегда – латте с корицей и ореховым сиропом! – прогремел он.

– Конечно, дядя Миша! Как улов сегодня? – ответила, добавляя сироп и посыпая пенку корицей.

– Хороший, такая рыбка клюнула! А ты, девонька, все хорошеешь. Когда ж замуж-то?

Этот вопрос он задавал мне каждый раз, когда приходил.

Я закатила глаза.

– Ой, дедушка Миша, не хочу я замуж! Неинтересно там.

Он рассмеялся:

– Ну-ну, время покажет!

Через пару минут пришла Люба, моя соседка из дома напротив.

– Вер, милая, раф с кокосом, пожалуйста. Как твои дела, дорогая? Ты же помнишь про пятницу?

– Люба! Я еще ничего не ответила на твое предложение!

– Но Руслан уже написал мне, что точно приедет, Вера! Вы просто обязаны сходить поужинать!

Люба активно пыталась свести меня со своим "московским" братом. А я старалась максимально отвертеться. Но напору этой женщины можно было только позавидовать.

– Я подумаю, Люб. А сейчас не отвлекай меня от работы, бери свой кофе и иди гулять.

****

День набирал обороты. Туристы шли потоком: семья с детьми заказала горячий шоколад, группа друзей – айс-кофе. Я болтала с каждым:

Откуда приехали? Понравилось море? Рекомендую пляж

за скалами – там тихо!

Атмосфера в кофейне была теплой – смех, звон чашек, шум волн за окном. Тетя Маша подпевала радио, дядя Коля увлеченно читал газету. Я чувствовала себя на своем месте, позитивной и полной сил.

К обеду заглянула моя коллега, Алиса— молодая девушка, работающая во вторую смену.

– Привет, Вер! Как дела? Много народу? – спросила она, закидывая сумку под стойку.

– Привет! Нормально, туристы прут. Дай мне перерыв, ладно? Мне нужно наверх сбегать.

– Конечно, иди!

Проделав все необходимые манипуляции дома, спустилась вниз.

День продолжался: еще кофе, еще улыбки.

Я думала:

И все-таки жизнь удалась. Я счастлива здесь.

Колокольчик у двери снова звякнул. Я повернулась с улыбкой, произнося:

– Добро пожаловать в кафе… – прервалась, не сумев договорить фразу.

В дверях стоял Артем Макаров, держа за руку миниатюрную блондинку.

***Бетта** – *хутор в Краснодарском крае. Входит в состав Пшадского сельского округа муниципального образования город-курорт Геленджик. Численность населения – 619 че-*

ловек.

Глава 2

Артем.

Я стоял у входа в кофейню, сжимая руку Лизы, легкий морской бриз трепал волосы. Колокольчик над дверью кафе звякнул, и этот звук почему-то больно отозвался внутри.

Мы приехали в этот курортный городок, хотя таковым его можно было назвать с натяжкой, после тяжелой работы.

Литературный фестиваль в Сочи, где мы целую неделю представляли частную школу писательского мастерства.

Да-да. Теперь я был не просто писателем, а еще и учителем.

Сразу после завершения фестиваля Лаврова убедила меня, что нам нужно на пару дней остаться, чтобы как следует отдохнуть. И именно она нашла в интернете это “чудесное” место.

Я лично не ожидал увидеть здесь ничего особенного, но поддался силе ее убеждения.

И вот я стою на пороге прибрежного кафе и не могу сделать вдох. Кажется, мой мир только что остановился.

Вера. За барной стойкой стояла Вера.

За прошедшие полтора года я перерыл все, что мог, чтобы найти её. Искал сам, обращался к Андрею Малинину.

– Артём, я попробую, – сказал он мне в самом начале. – Мои люди поищут, но если она не хочет быть найденной…

Я искал везде и всюду. Проездил сотни километров, переговорил с десятком людей.

И ничего. Ни одной зацепки, ни одного следа. Как будто она растворилась в воздухе.

А теперь она стояла передо мной с улыбкой на лице, и я был в полном шоке. Сердце заколотилось так, будто пыталось вырваться из груди.

Лиза, не подозревая о моём внутреннем хаосе, слегка сжала мою руку. Её пальцы были теплыми, а прикосновения приятными, но сейчас мне нестерпимо хотелось вырвать ладонь.

В кофейне пахло свежемолотыми зёрнами и выпечкой, смешанными с солёным морским воздухом, проникающим через открытые окна. Вера повернулась к нам радостная, но, когда наши взгляды встретились, её лицо на миг застыло.

Я увидел вспышку узнавания в её карамельных глазах, вот только она быстро взяла себя в руки, сделав вид, что мы обычные посетители.

– Добрый день! Что желаете заказать? – произнесла она ровным, профессиональным тоном, как будто мы никогда не спорили до хрипоты, не целовались до нехватки воздуха и не разрывали друг другу сердца.

Я проглотил ком в горле, поддерживая её игру. Если она решила притвориться, что мы незнакомы, то и я не стану рушить это сразу.

Как она здесь оказалась? Почему именно в этом забытом

богом месте?

Я заставил себя улыбнуться.

– Добрый день. Два эспрессо, пожалуйста, – сказал, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и равнодушно.

Лиза, почувствовав мое напряжение, бросила на меня быстрый взгляд, но ничего не сказала.

Вера кивнула, не глядя мне в глаза, и повернулась к кофемашине. Её движения были плавными, отточенными – засыпать кофе, нажать кнопку, подставить чашки.

Я наблюдал за ней, отмечая изменения: волосы в хвосте были гораздо длиннее, чем я помнил, она чуть поправилась, что делало ее еще более красивой, легкий загар на коже. Она выглядела… умиротворенной и довольной. Не той язвительной Верой, которая врывалась в комнату, открывая дверь с ноги, а кем-то новым, спокойным. Этот факт кольнул в груди – она построила жизнь без меня, а я всё это время тонул в воспоминаниях.

Лиза наклонилась ко мне, её дыхание коснулось моего уха.

– Всё в порядке? Ты как будто привидение увидел, – прошептала она тихо.

Её рука скользнула по моему предплечью, задержалась, словно невзначай, а потом она чуть придвинулась, и её губы быстро коснулись уголка моего рта – мимолётный, почти невесомый поцелуй, который всё равно обжег. Тут же захотелось отшатнуться.

Я чуть отстранился, заставил губы растянуться в подобие улыбки.

– Да, просто… место уютное. Не ожидал такого в маленьком, как там правильно? Хуторе, вот и потерялся слегка, – пробормотал, понижая голос.

Я говорил о кофейне, но думал о Вере. Лаврова кивнула, ее глаза блеснули, она положила ладонь на мою грудь и с воодушевлением сказала:

– Мне тут нравится, Тёма! Может, останемся подольше? Скажем, на недельку.

До встречи со Смирновой я был уверен, что дольше чем на два дня я в этой дыре не задержусь. Но теперь я готов остаться здесь навсегда.

Вера поставила перед нами две чашки эспрессо, пар от которых поднимался тонкими струйками.

– Ваш заказ. Приятного дня, – произнесла она, всё так же ровно, без намека на узнавание.

Её взгляд скользнул по нашим сцепленным рукам, и я заметил, как её губы на миг сжались.

– Спасибо, – пробормотал я, но она уже не слушала, быстро отвернулась, занявшись следующим клиентом.

Я взял чашку, сделал глоток, чувствуя горечь кофе на языке, которая отчетливо отозвалась внутри.

Лиза отхлебнула из своей чашки и посмотрела на меня с любопытством.

– Хороший кофе. И все-таки, дорогой, ты какой-то черес-

чур хмурый! О чём ты там думаешь? – спросила она, наклоняясь ближе.

Её парфюм с нотками ванили смешался с ароматом кофе и вызвал приступ тошноты.

– О работе, – солгал, отводя взгляд.

На самом деле мои мысли вихрем крутились вокруг Веры:

Почему она здесь? Что она пережила за эти полтора года? И почему она решила притвориться, что мы незнакомы?

Я хотел подойти, схватить её за руку, встряхнуть, заставить поговорить, но понимал – она не даст.

Её поза, отстраненный взгляд говорили лучше любых слов.

Не смей подходить.

Лаврова усмехнулась, ее ладошка легла под столом на мое колено.

– Только о работе? А я думаю о том, как здорово мы можем тут расслабиться после всех этих трудных дней, – прошептала она, и в её глазах мелькнул игривый блеск.

Я заставил себя улыбнуться в ответ, но внутри всё сжималось. Лиза была замечательной: умной, спокойной, с лёгким юмором, который напоминал мне о лучших моментах с Верой. Но она не была ею. И теперь, увидев свою принцессу, я понял, насколько глубоко она всё ещё сидела во мне.

Мы допили кофе в молчании, прерываемом только шуршанием страниц газеты за соседним столом и шумом волн

за окном.

Вера обслуживала других клиентов, не глядя в нашу сторону: улыбалась, шутила и тихо смеялась.

Она казалась такой счастливой в своей новой жизни, и это ранило сильнее всего. Гораздо больше, чем я ожидал. Когда мы встали, чтобы уйти, я бросил на нее последний взгляд. Смирнова поймала его, но быстро отвернулась, как будто я был просто еще одним посетителем, и ей было глубоко на меня наплевать.

На улице Лиза повернулась ко мне.

– Красивая кафешка. Может, вернемся сюда завтра?

Кивнул. Конечно, да. Тысячу раз да. У меня было слишком много вопросов.

Я буду возвращаться сюда каждый божий день. Ради Веры.

Даже если она не даст мне шанса поговорить, я найду способ. Шок от встречи ещё не утих, но он разжёг во мне огонь, который я думал, давно угас.

Я не уйду просто так. Я получу ответы на каждый вопрос. Заставлю ее объясниться, а потом зацелую до потери сознания.

Глава 3

Вера

Я вышла с работы, когда солнце уже клонилось к закату. День выдался длинным, полным туристов и местных, но после той встречи с Артёмом всё казалось размытым, как будто я смотрела на мир через запотевшее стекло.

Шла по узкой улочке, ведущей к морю, и старалась дышать ровно. Нужно было вернуться домой, но так не хотелось. Небольшая прогулка поможет проветрить мозги и, возможно, остановит бесконечный поток мыслей.

Он здесь. С женщиной. Держал ее за руку. И я сделала вид, что мы не знакомы. Как будто их переплетенные ладони не разрывают меня изнутри.

Ветер с моря приносил запах соли и прохладу, но даже она не могла унять жар, расползающийся в груди. Я ускорила шаг, чтобы поскорее выйти на пляж.

Но мысли не отпускали. Они унесли меня назад, в тот день в аэропорту, когда всё началось или окончательно закончилось?

Почему Артем появился именно сейчас? Почему он вернулся, когда я, наконец, научилась жить без него?

Я вспомнила тот момент так ясно, будто он произошёл вчера.

Вернулась в кабинку туалета в Пулково, туда, где сердце

колотилось, словно желая вырваться из груди.

Сделала тест, поставила таймер на телефоне, вышла и ждала. Но не выдержала, вернувшись и уставившись на белую полоску. Минуты тянулись. Паника нарастала.

Если результат будет положительный, то что тогда? Вернусь? Расскажу? Или улечу с этим секретом?

Когда таймер пискнул, я не нашла в себе силы посмотреть сразу. Переборола желание выкинуть тест в урну, сделала пару глубоких вдохов -выдохов и перевернула белую бумажку.

Одна полоска. Отрицательный.

Облегчение хлынуло волной. Свобода, новая жизнь без оков.

Но за ним пришло разочарование, острое, больно кольнувшее сердце.

Ничего от него не осталось. Я одна, по-настоящему одна. И виновата в этом была только я.

Слезы жгли глаза, но я смахнула их, вышла из кабинки и умылась холодной водой.

Радость от того, что могу начать жизнь заново. Разочарование от того, что потеряла надежду на эту связь между нами. Два чувства в одном флаконе. Неопределенность – мое второе имя. Выбросила тест в урну и пошла на посадку.

Вернувшись в настоящее, я открыла дверь квартиры после небольшой прогулки по пляжу.

Меня сразу встретили два пушистых комка – Багира и Мотя. Багира, серая с белыми лапками, подбежала первой, требовательно мяукнула и потерлась о мои ноги. Мотя, полностью черный, с блестящей шерстью, сидел на коврике и смотрел сонно, но потянулся и тоже двинулся ко мне.

Я спасла их с улицы вскоре после приезда в Бетту. Багиру – от дождя и голода, она была крошечным котёнком с мокрой шерсткой, а Мотю – от стаи бродячих собак. Сама не знаю зачем, если честно. Никогда не любила животных.

Но теперь они стали моей семьёй. Я присела, почесала Багиру за ухом.

– Привет, красавица. Соскучилась? – прошептала тихо.

Она замурлыкала, а Мотя рядом ткнулся носом в мою ладонь, требуя уделить внимание и ему.

Они не спрашивают о прошлом, не требуют объяснений. Просто любят. Почему с людьми не так же?

Я насыпала им корм в миски, налила воды и села на диван, чувствуя, как усталость наваливается. Коты ели шумно, а я смотрела на них, пытаясь отвлечься от мыслей об Артёме.

Но это не помогло. Я взяла телефон и проделала мой ежедневный ритуал, тот который я позволяла себе делать, чтобы не чувствовать себя совсем отрезанной от мира.

Открыла социальные сети. Сначала Аня – её профиль был полон фото семьи. Я просмотрела всё новое. Вот Максим с Ваней на рыбалке, вот Аня с тортом на день рождения. А потом – Ева, маленькая принцесса, которой исполнился год.

Я пропустила её рождение, увидела новость об этом в сторис позже. И с тех пор "знакомилась" с малышкой только так. Вот она беззубо улыбается, вот ползет по ковру, вот первые попытки встать на ножки.

Красавица. Рыжие волосы, голубые глаза. Требовательный характер, если верить подписям под картинками.

Воронцова шутит в комментариях, что это от крестной. Но я не крестная. Я – призрак в их жизни.

Я так хотела лайкнуть фото, где Ева ест яблочное пюре, но я больше не была частью их мира.

Я могла быть там, держать её на руках, но выбрала бегство. От него, от боли, от всего и всех.

Посмотрела профиль Светы, Кати. Порадовалась тому, как замечательно складывается их жизнь.

А потом мысли перешли к Артёму. Я не удержалась и ввела его имя в поиск. Его профиль был скудным – редкие фото с новой работы, школа писательского мастерства, литературные фестивали, презентация новой книги.

Вот он на сцене, с микрофоном, выглядит уставшим, но сосредоточенным. Вот он на лекции, рассказывает какую-то важную тему. Он учит других писать, а сам? Пишет ли ещё или снова забросил это дело?

Пролистала дальше, ища сама не зная что. А потом увидела её на совместном фото. Она широко улыбается, он серьезно смотрит в камеру. Перешла по отметке в ее профиль. Лиза Лаврова.

Куча ярких фото – море, фестивали, книги. А потом наткнулась на их совместные. Вот они за ужином, а вот – прогулка по парку, рука в руке. И поцелуй в щёку, с подписью:

"С ним каждый день – приключение".

Они вместе. Счастливы.

А я? Смотрю на это, как на фильм о чужой жизни.

Почему в груди так сильно болит?

Я же ушла сама. Сама отпустила. Но видеть его с ней… их касания, улыбки....

Закрыла приложение, чувствуя тошноту. Лаврова. Красивая, умиротворенная.

Не такая, как я. Может, он нашёл то, что нужно?

Ночь прошла беспокойно. Я ворочалась, пытаясь уснуть, но сон не шёл. Когда часы показывали 6:30 утра, поняла, что смысла бездумно валяться в кровати больше нет.

Встала, сварила кофе, покормила котов и решила проветрить голову перед работой.

Надела легкий кардиган, вышла на улицу и направилась к пляжу. Песок был прохладным, волны бились о берег. Я шла босиком, наслаждаясь тем, как вода касается ног.

Здесь хорошо. Спокойно. Но почему тогда вчерашний день перевернул всё?

Присела на небольшой камень, глядя на горизонт, и пыталась собраться.

Не думать о нём. Не вспоминать. Он теперь с ней. А я свободна.

Но вдруг тишину разорвал до боли знакомый голос:

– Вера, давай поговорим.

Я обернулась. Артём стоял в нескольких шагах, ветер трепал его волосы.

Он здесь. Один.

Глава 4

Артем

Утро было тихим, только волны за окном шумели, нарушая умиротворение. В комнате пахло Лизиным парфюмом – ванилью с лёгкой нотой жасмина. Лаврова лежала рядом, её светлые волосы разметались по подушке, рука покоилась на моей груди. Она пошевелилась, открыла глаза и улыбнулась той тёплой, почти детской улыбкой, которая всегда заставляла меня чувствовать себя… нужным.

– Доброе утро, Тёма, – прошептала она, придвигаясь ближе. Ее пальцы пришли в движение и заскользили по моей коже. Через секунду она прижалась губами к моему плечу, потом к шее, оставляя цепочку поцелуев от ключицы к уху. – Ты такой тёплый… Останемся в постели на весь день? У нас же выходной, никто нас нигде не ждёт.

Я улыбнулся в ответ, но внутри всё сжалось. Вера. Ее имя, произнесенное просто в голове, нехило отрезвило. И я сразу почувствовал себя редкостным мудаком.

Лиза ничего не знала о Смирновой, о наших с ней отношениях. Все, что она видела – только мое напряжение, длившееся месяцами, но причину не знала. Её ладошка спустилась ниже, пальчики провели по животу, зацепили край пижамных штанов, и я мягко, но твердо поймал ее запястье.

– Лиз, подожди, – сказал, голос прозвучал хрипло. –

Мне… нужно проветриться. Прогуляюсь до пляжа, пока не жарко.

Она нахмурилась, губы дрогнули, но Лаврова быстро спрятала разочарование за улыбкой.

– Ладно, иди. Я пока сварю кофе. Только недолго, хорошо? – Она приподнялась на локтях, поцеловала меня в уголок рта, задержавшись чуть дольше, чем стоило бы, и, с легким прикусом губы, отстранилась. Ее глаза задержались на мне и в них было что-то…почти собственническое.

Она думает, что мы – пара. А я? Я не знаю, кто мы.

Я встал, переоделся в шорты и футболку, чувствуя, как Лизин взгляд прожигает мне спину.

Она хорошая. Заботливая. Умная. Почему же я не могу просто быть с ней? Потому что Вера. Вот и ответ на твой вопрос, Макаров.

Её лицо, её голос – всё это до сих пор жгло изнутри.

****

Я вышел из домика, хлопнув дверью, и пошёл к пляжу, надеясь, что морской ветер выдует её из головы.

Но он этого не сделал. Я шёл по песку, еще прохладному под ногами, и мысли возвращались к тем месяцам, когда я искал её. Полтора года. Почти полтора года я жил в пустоте. После её ухода я не спал ночами. Писал смс, которые не отправлял – длинные, бессвязные, полные оправданий и мольбы.

«Вера, прости. Это была ошибка. Я не хотел. Я люблю

тебя».

«Вера, прошу тебя, вернись, я все исправлю».

«Малыш, поговори со мной. Ты мне нужна как воздух».

Но куда я мог их отправить? Она исчезла. Стерла все переписки, удалила все аккаунты, сменила номер. Я звонил Ане, Свете, Максу, коллегам со старой работы. И все без толку. Никто не знал, где она. В конце концов обратился за помощью к Андрею.

– Артём, я попробую, – сказал он тогда, сидя в своем кабинете с видом на Неву. – Мои люди поищут, но если она не хочет быть найденной…

Я дал ему все: старые адреса, фото, имена друзей и коллег. Он звонил раз в неделю:

– Ничего. Прости, Тем.

Я ездил по близлежащим городам, показывал её фото барменам, официантам, таксистам, продавщицам в магазинах.

– Вы видели эту девушку? – спрашивал у каждого.

И всегда получал в ответ растерянное:

– Нет, простите.

Ничего. Она словно растворилась в воздухе. А я тонул. Задыхался. Каждый божий день. Писал книгу, которую не мог закончить. Начал преподавать, чтобы не сойти с ума. И встретил Лизу на одной из лекций, где она координировала студентов с улыбкой и большим блокнотом в руках. Она была светом в темноте. Но, по итогу, оказалась не моим светом.

Я остановился у воды. Пару месяцев назад мы с Лавровой

задержались после лекций – важная доработка перед днем открытых дверей. На следующий день – совместный кофе, чтобы обсудить прошедшее мероприятие. И вот мы вместе. И мне все нравилось. Меня все устраивало. Я перестал искать Смирнову. Устал. Сдался. Понял наконец-то, что раз она бросила, значит, я нахрен ей не сдался. Что могу наконец-то начать жить, а не страдать. И наплевать, что она вырвала часть из моего сердца. Ту, что после смерти не забрала с собой Лена.

И вот стоило мне позволить себе наслаждаться каждым днем, как она объявилась.

Живая. Счастливая без меня.

Я пошёл дальше и внезапно увидел знакомую спину. Вера сидела на камне, ветер трепал её волосы. Остановился, сердце заколотилось. Сейчас или никогда.

Подошел ближе, песок скрипел под ногами.

– Вера, – сказал я, вышло грубее, чем я хотел. – Давай поговорим.

Она обернулась, резко вскочила, карамельные глаза расширились.

– Нет. Уходи, Макаров, сейчас же!

– Нет. Мы поговорим, Вера.

Смирнова замотала головой, обнимая себя руками. Но я не собирался сдаваться. Только не сейчас.

– Почему ты ушла? – выпалил, делая шаг вперёд. – Просто исчезла. Стерла всё. Ничего после себя не оставила. Как

будто я был ошибкой, которую можно вот так легко вычеркнуть из жизни.

Она опустила руки вдоль тела, сжала кулаки, глаза вспыхнули.

– Ошибкой? Да! Было! Все что было между нами – ошибка. Большая. Огромная.

– Не смей так говорить! – крикнул в ответ, голос сорвался. – Ты… Ты была всем для меня! Я искал тебя! Хренову тучу месяцев! А ты все это время была здесь, прячась от всех и упорно делая вид, будто тебя все устраивает!

Вера отшатнулась, сделала пару шагов назад.

– Скажи мне только одно, принцесса, почему? Почему ты так поступила со мной… С нами?

– Потому что я выбрала себя! – закричала она, тыкая в грудь пальцем. – Себя, Артем! Я не хотела быть второй! Не хотела просыпаться и думать, любишь ли ты меня или свои воспоминания!

– Охренеть, Вера. А дать мне возможность все тебе объяснить?! Я бы убедил тебя, что нет больше никакого прошлого! Я его отпустил, забыл. Мне все это было не нужно рядом с тобой. Но ты и крошечного шанса мне не оставила!

– Я не хотела страдать. Я боялась, что услышу то, к чему окажусь не готова!

– Ну спасибо. О себе позаботилась, а на меня забила огромный болт.

Вера фыркнула, отворачиваясь в сторону.

–Ты думаешь, я не страдал все это время? – пробормотал, подходя ближе. – Ездил по городам! Спрашивал у всех про тебя! А ты… ты просто бросила меня, как будто я был мусором!

– Не говори так! – прокричала она, повернулась в мою сторону, и я увидел, как слёзы катятся по щекам. – Тогда в моменте я была уверена, что ты разрушил всё! Что я разрушила все! Я любила тебя, Артём! Но я так сильно запуталась и не понимала, что мне делать дальше, что…

Любила. Прошедшее время больно кольнуло в сердце.

– Это был единственный выход, – я едва услышал ее тихий шепот.

– И я любил тебя! – рявкнул, подходя ближе и хватая её за запястья. – И люблю! Все еще! И мы нашли бы выход вместе! Но ты… ты прячешься здесь, как трусиха!

– Да! Я трусиха, Макаров! Но когда я осознала, что именно натворила, я просто… Я просто не понимала, что мне нужно было сделать, чтобы вернуться. Как попросить прощения у всех за свой побег. Мне было стыдно, ты это понимаешь или нет?!

– Нет. Не понимаю. Появись ты на пороге, я бы в ту же секунду все простил, мне было бы наплевать на твой поступок.

Она попыталась вырвать руку, но я не отпускал.

– Пусти сейчас же! Это все вообще не имеет никакого значения сейчас! У тебя теперь другая женщина! Я все видела! Ваши переплетенные руки, поцелуи, всё!

– Это не то, что ты думаешь! – крикнул, притягивая ее ближе. – Лиза… Она поддержала меня, когда я был на дне! И я… Мы сблизились, но… но она – не ты! Никто – не ты!

– Врёшь! – закричала она, вырываясь. – Я видела, как она тебя целует! Как держит за руку! Как смотрит! Ты с ней спишь, Макаров! А теперь пришёл ко мне? Чтобы что? Поиграть? Предъявить мне претензии?! Да пошел ты на хрен!

– Я не играю! – проорал в ответ. – Я не могу без тебя! Я просыпаюсь и думаю о тебе! Я пишу и думаю о тебе! Я живу и всё равно думаю о тебе!

– Тогда почему ты с ней?! – крикнула она, голос сорвался на визг. – Почему не один? Почему не искал меня по-настоящему?

– Я искал! – крикнул, тряся её за плечи. – Я чуть не сошёл с ума! А ты… ты построила здесь райскую жизнь! Ты счастлива без меня!

– Я не счастлива! – прокричала она шёпотом, слёзы текли ручьём. – Я притворяюсь! Я просыпаюсь и думаю о тебе! Я варю кофе и думаю о тебе! Я вижу море и думаю о тебе! Но я не могу быть с тобой! Потому что ты…

Я больше не мог сдерживаться, схватил её за шею, притянул вплотную и впился в губы – жадно, яростно, как будто мог вернуть все потерянное одним только поцелуем. Она уперлась руками в мою грудь, пыталась оттолкнуть, била кулаками, но вскоре сдалась. Её губы ответили горячо, с тем же отчаянием. Вкус соли, её теплое дыхание, её пальцы в моих

волосах – всё вернулось, как будто не было этого времени порознь.

Я оторвался от нее, тяжело дыша, посмотрел ей в глаза.

– Вера…

Она глядела на меня, в глазах блестели слезы, ее дрожащие пальчики провели по моей щеке. Хотелось прижаться к ее теплой ладошке и замурчать, как кот.

Я наклонился, хотел снова ощутить ее вкус, одного раза мне было мало.

– Тёма! – голос Лизы разрезал воздух.

Вера замерла, отстранилась, посмотрела мне за спину. Я обернулся. Лаврова шла по пляжу, в лёгком платье, волосы развевались. Смотрела на нас. Пристально. Нахмурившись.

И пока я анализировал происходящее, Смирнова ударила меня по щеке. Звонко, больно, обжигающе.

– Урод, – прошипела она, отстраняясь. – Больше не подходи ко мне. Никогда.

Она развернулась и быстрым шагом удалилась.

А я стоял столбом, опустив руки вдоль тела, щека горела. Лиза подошла ближе, я перевел на нее взгляд и увидел, как слезы катятся по её щекам.

Шикарно, Макаров! Поздравляю тебя, за утро ты умудрился довести до слез сразу двух женщин. Это победа.

– Тёма… – прошептала Лаврова, привлекая мое внимание – Это она, да? Это ее ты зовешь во сне каждую ночь, да?

Я не ответил. Прикрыл глаза и тяжело вздохнул. Лиза за-

служивала знать правду.

Глава 5

Артем

Я все еще стоял с закрытыми глазами и анализировал случившееся. Щека горела от пощечины Веры, а Лиза рядом всхлипывала без остановки.

Я понял, что нельзя больше стоять молча и, приоткрыв глаза, взглянул на Лаврову. А она смотрела на меня так, будто я только что разбил ей жизнь.

Хотя, по факту, кажется, так и было. Обычно у неё был яркий голубой взгляд, но сейчас белки были красноватыми, на ресницах блестели слёзы. Она не кричала, не устраивала сцен. Просто стояла, сжимая кулаки, и ждала. Ждала, пока я скажу хоть что-то. Но слова застревали в горле.

– Тёма… – тишину наконец-то разорвал её голос. Она мелко дрожала, но взгляд не отводила. – Скажи мне, это она, да? Та женщина, которую ты зовешь каждую ночь?! Та, из-за которой ты каждый раз замираешь, когда тебе звонит Анна?

Я сглотнул.

Она всё прекрасно понимала. Она все это время знала про Веру. Знала и молчала.

Открыл рот, но выдавил только:

– Лиза, я…

– Не надо, – перебила она, голос стал тверже. – Просто скажи правду. Только не пытайся отмазаться. Я заслужила

правду, тебе так не кажется?

Я кивнул. Песок под ногами был холодным, волны шумели, но я мог сконцентрироваться только на ее хмуром, заплаканном лице.

Она не заслуживает лжи. Не после всего, что Лиза сделала для меня.

Я глубоко вдохнул и начал:

– Её зовут Вера. Вера Смирнова. Мы… мы были вместе полтора года назад.

Лаврова не шевелилась. Только слёзы катились по щекам, оставляя дорожки на загорелой коже.

– Она была… моим всем, – продолжил хрипло. – Я любил её. Нет, люблю. До сих пор.

Лиза громко всхлипнула после моих слов и, прижав ладошку ко рту, покачала головой. А я безжалостно продолжил резать ее своими фразами:

– Она была… как буря. Язвительные фразочки, безостановочный смех, ссоры до хрипоты, примирения до утра. Я писал для неё. Жил для неё. А потом…

Я замолчал, пытаясь подобрать слова, которые могут ранить Лизу чуточку меньше.

– А потом? – тихо произнесла она, подталкивая меня продолжать.

Сжал кулаки, вспоминая тот проклятый день.

– Вера ушла. Стерла о себе любые упоминания и сбежала в неизвестном направлении. И вот мы… мы встретились тут,

спустя все это время.

Лиза вытерла щёку тыльной стороной ладони.

– И почему она так поступила?

Горько усмехнулся, прежде чем ответить:

– Если бы я только знал, Лиз. У нее было слишком много… загонов в голове. Я пытался их победить, но проиграл. Дал ей убежать и не смог вернуть назад. Облажался по полной.

Она хмыкнула в ответ, отводя глаза к морю.

– Ты сказал: «Люблю до сих пор», а меня, Тём? Ко мне ты что чувствуешь?

– Я не знаю, Лиза. Сначала я думал, что ничего. Ты просто… Ты была той, кто помог мне забыться. Потом стала мне нравиться, а затем… я стал думать, что влюбился в тебя. Но теперь не знаю. Я не хочу тебе врать, милая. Поэтому говорю, как есть.

Лиза повернулась ко мне, чуть наклонила голову вбок и снова посмотрела мне прямо в глаза. И, полностью проигнорировав то, что я только что сказал, уточнила:

– И ты искал ее все это время? Даже когда встречался со мной?

– Да, – тихо ответил ей. – Вернее, нет. Не так. Я занимался ее поисками, напряг все связи, объездил десятки городов, в каждом показывая ее фото. Но… ничего не нашел. Она исчезла. А я… я сломался. Писал смс, которые не отправлял. Преподавал, чтобы не сойти с ума. И встретил тебя.

Лаврова вздрогнула.

– Меня.

– Да, и ты была… светом, – пробормотал, пытаясь взять ее за руку. – Во тьме, которая меня поглотила. Когда я тонул, ты была рядом. Улыбалась, шутила, организовывала всё. Я думал, что смогу. Что с тобой я начну заново. Но вчера… я увидел её. В кофейне. И всё вернулось. Как будто не было этих полутора лет.

Лиза сделала шаг назад, убирая руки за спину.

– И что теперь? Вернешься к ней, а я пошла на хрен?

Слышать из уст всегда вежливой девушки грубое слово было непривычно. Но я сам довел ее.

– Малыш…

– Не надо, Артем! Не надо всех этих ласковых слов, прикосновений и прочего. Скажи мне четко и ясно, что ты намерен теперь делать. Хоть в этом-то поступи со мной по-человечески. Раз уж ты все это время спал со мной, а любил другую женщину.

– Лиз, это… все не совсем так. Уж не делай из меня сволочь совсем.

Она громко фыркнула и всплеснула руками:

– А кто ты, Макаров?! Ты поцеловал её. Только что! А ночью трахал меня! Кто ты, если не сволочь?!

– Да, я… – выдохнул, признавая свою вину. – Я сделал именно это, но я не хотел причинить тебе боль. Ты не заслужила этого. Я собирался…

Лиза горько рассмеялась и, не дав мне закончить, проговорила:

– Я знала, Тёма. С первого дня. Ты всегда смотрел сквозь меня. Когда мы были вместе, ты был где-то ещё. Я думала… думала, что время всё исправит. Что ты забудешь. Но ты не забыл.

– Я пытался, – прошептал и вздохнул. – Правда пытался. Ты замечательная. Умная, красивая, заботливая. Но она… она во мне. Засела там намертво, понимаешь? И я не могу ее вырвать. Не получается. Никак.

Лаврова медленно кивнула.

– Я видела, как ты посмотрел на неё тогда. В кофейне. Как будто мир остановился. Я думала, что мне показалось. Считала, может это просто… Да неважно, что я думала. Если у вас там большая любовь, то что было все это время со мной? Я просто удачно подвернулась, да? Регулярный секс, вкусные ужины, помощь с работой. Ну, сказка же, да, Макаров?

Я молчал. А что я мог сказать? Она была во всем права.

– Я уеду, – сказала Лаврова вдруг. – Сегодня. Соберу вещи и уеду в Сочи. Там останусь до вечера воскресенья. А ты… ты делай то, что посчитаешь нужным.

– Лиза, – начал я, но она подняла руку.

– Нет. Не надо. Я не хочу быть удобным запасным вариантом. Не хочу быть той, кто ждёт, пока ты выберешь. Я достойна большего.

Я мог только тупо кивнуть. А Лаврова повернулась ко мне

спиной и начала уходить. Но, сделав пару шагов, замерла и резко обернулась.

– Я сниму номер в Дельфине. И куплю билеты в Питер на вечер. Если ты… Если ты поймешь, что… – она прикусила губу, едва сдерживая новый всхлип. – Я буду ждать тебя в холле до середины дня. И… я все пойму… в случае, если ты… не приедешь.

– Хорошо, Лиза. Прости меня, если сможешь.

Она покачала головой, взглянула на меня еще раз и, развернувшись, ушла. На этот раз точно. А я смотрел, как ее фигура становится все меньше и меньше, как ветер треплет платье.

Я сел на песок, обхватил голову руками.

Лена. Вера. Лиза.

Их имена крутились в голове на повторе.

Я не понимал, как правильно разрулить возникшую проблему, но знал одно:

Я не уеду, пока не поговорю с Верой. Нормально. Без криков. Без эмоций и прикосновений. Настоящий разговор. Разговор, который решит все.

Глава 6

Вера

Прошло пять дней с того утра на пляже. Пять долгих, жарких, невыносимых дней, которые я прожила в странном, вязком тумане, хотя солнце палило так немилосердно, что асфальт на центральных улицах Бетты плавился под ногами, а туристы, приехавшие за загаром, жаловались на духоту и прятались под навесами.

Каждое утро я просыпалась от требовательного мяуканья Багиры, царапающей диван, если я не вставала вовремя. Мотя, как всегда, лежал на подушке рядом, свернувшись комком, и смотрел на меня сонными глазами.

Я гладила их по очереди, вставала, кормила пушистых бандитов, варила себе крепкий кофе без сахара, спускалась по узкой лестнице в «Морской Бриз» и знала: он будет там. Артём.

Он приходил ровно в восемь тридцать, когда я только включала кофемашину, и та начинала гудеть, прогреваясь. Колокольчик звякал, но я не поднимала глаз и не поворачивалась в сторону двери. Не хотела.

Да и не зачем было. Я и так знала, что это он. Макаров заказывал один и тот же напиток. Говорил тихо, почти шёпотом:

– Американо, пожалуйста.

Я кивала, не глядя на него, готовила кофе, ставила чашку на поднос и отворачивалась. Он брал кофе, шёл к столику у окна. К тому самому, где лучше всего видно море, где свет падал прямо на его лицо, подчёркивая усталые глаза и тени под ними. И садился.

И сидел там целый день. Медленно, небольшими глотками пил кофе, иногда заказывал второй, но чаще всего сидел с пустой чашкой. Чертил что-то в блокноте, но обычно просто смотрел. На меня. Молча. Без улыбки. Без попытки заговорить. Иногда выходил покурить, но всегда вставал лицом ко входу, чтобы продолжать следить за мной.

Я ощущала его взгляд на спине, когда взбивала молоко для капучино, когда вытирала стойку после неаккуратного туриста, когда улыбалась пожилому дяде Коле, который приходил каждый день за своим «кофе покрепче».

Чего он ждёт? Ну чего? Что я сломаюсь? Подойду к нему? Скажу: «Прости, я накосячила, давай все начнем заново?»

Ну уж нет. Я не сломаюсь. Я не для этого столько времени потратила на выстраивание новой жизни. Новой версии себя.

У меня теперь были другие приоритеты. Я работала. Всем улыбалась. Делала вид, что его нет. Что он – просто ещё один посетитель. Но каждый раз, когда я проходила мимо его столика, чтобы убрать пустые чашки, мои пальцы дрожали. Я боялась случайно коснуться его. Боялась, что он схватит ме-

ня за запястье. Боялась, что не смогу вырваться.

Лизу я больше не видела. Ни в кофейне, ни на улице, ни в сторис. Я проверила, не смогла удержаться. Её профиль теперь был закрыт.

Уехала? Или он её прогнал?

Мне было очень любопытно, но в тоже самое время я не хотела знать ответ. Но каждый раз, когда колокольчик звякал, я вздрагивала. Думала, вдруг это она. Снова возьмет его за руку. Снова будет смотреть на него так, будто пытается сказать всем и каждому: «Он мой». Но нет. Она не появлялась.

Днём кофейня гудела. Туристы, местные, дети с мороженым, оставляющие липкие следы на полу. Тётя Маша пекла круассаны, дядя Коля читал газету, Алиса, моя сменщица, болтала с подругами за столиком в углу.

Я крутилась, как белка в колесе: латте, раф, айс-кофе, горячий шоколад. Улыбалась. Шутила.

«Откуда вы? Понравилось море? Как вам кофе? Возьмите круассаны, они очень вкусные».

Но внутри меня была пустота. И его взгляд. Со мной весь день был его взгляд.

На третий день я не выдержала. Подошла к его столику, чтобы убрать чашку. Он не шевельнулся. Только посмотрел вверх, прямо в глаза. Я замерла. Его глаза были красными, как будто он не спал все эти дни.

Я хотела сказать что-то резкое, вроде «хватит пялиться»,

но язык прилип к нёбу. Он молчал. Я без слов взяла чашку и ушла. И опять весь день чувствовала, как щёки горят.

На четвертый день тётя Маша заметила.

– Верочка, – сказала она, вытирая руки о фартук, – этот мужчина… он каждый день тут. Смотрит на тебя, как на икону. Кто он?

– Никто, – ответила я быстро. Слишком быстро.

Она хмыкнула.

– Просто «Никто» так не смотрит, милая.

Я промолчала. Не хотела объяснять. Просто не могла.

****

Вечера я проводила дома. Коты встречали меня у двери – Багира терлась о ноги, требуя ласки, Мотя мяукал, требуя еды. Кто о чем, называется.

Я кормила их, включала свет, садилась на балконе с чашкой чая или бокалом вина, смотря чего больше хотелось по настроению. И думала. О нём. О его словах на пляже.

«Я люблю. Всё ещё».

О поцелуе, который я до сих пор ощущала на губах – вкус соли из-за моих слез, его теплое дыхание, его пальцы в моих волосах. И о пощёчине, которую дала ему.

Была ли я права в тот момент? Или опять всё испортила? Я вспоминала его лицо, когда Лиза появилась. Его растерянность. Его молчание.

Он выбрал её? Или меня? Или никого?

Вечером пятого дня я сидела в плетеном кресле с ногами,

солнце уже скрылось за горами, а небо стало тёмно-синим. В руках крутила телефон. Смотрела на экран, где был открыт контакт «Анюта». Номер я помнила наизусть, хотя не набирала его полтора года.

Позвонить? Или снова спрятаться?

И, не дав себе опомниться, нажала вызов. Гудки. Один. Два. Три. Четыре…

– Алло? – голос Ани был опасливым, почти настороженным, как будто она ждала подвоха от незнакомого номера.

– Ань… это я, – сказала тихо, голос дрожал, как и я сама.

Тишина. Потом – громкий крик. Телефон чуть не выпал из рук.

– ВЕРА?! – подруга орала так, что я отодвинула смартфон от уха. – ВЕРА?! Ты где?! Ты жива?! Господи, я уже придумала себе все самое страшное! Мы все придумали!

– Да, это я… – выдохнула, слёзы жгли глаза. – Прости меня, Анютик. Правда, прости. Мне так жаль.

– Прости?! – закричала она, и я услышала, как она начинает плакать. – Ты исчезла, Вера! На полтора года! Удалила всю переписку! Мы искали тебя! Я ревела ночами! Максим вместе с Андреем и Темой всю полицию на уши подняли! Я… я думала, с тобой что-то случилось! Артём… он…

– Я знаю, – перебила Воронцову тихо. – Я знаю, что натворила непоправимое. Но я не могла иначе.

– Почему?! – её голос сорвался на ультразвук. – Что случилось?! Артём? Он что-то сделал?! Только скажи, и я его

убью!

Я сглотнула. Грудь сдавило, словно в тисках. И да, и нет. Это… было так сложно объяснить.

Мое молчание Аня расценила по-своему.

– Рассказывай, – сказала она тверже, но всё ещё всхлипывая. – Сейчас же. Всё. С самого начала.

Я вздохнула. И рассказала. Про каждый момент, который заставлял меня сомневаться. Про то, как поняла, что мы оба все испортили. Про то, как приняла окончательное решение сбежать. Даже про то, как делала тест в аэропорту и как сильно разочаровалась, увидев отрицательный результат.

Воронцова слушала меня молча, иногда угукая в ответ, тем самым подталкивая продолжать. На заднем фоне слышались голоса Максима и Вани, детский лепет Евы. В ее доме бурлила жизнь, но подруга не отвлекалась на нее, она полностью ушла в беседу со мной. И от этого мне стало в сотни раз хуже.

Рассказывая самую неприятную часть всей этой истории, я тоже плакала, но стоило начать говорить про свою новую жизнь, улыбка сама расплылась на лице.

Дальше я поведала ей про котов, которых спасла с улицы. Про то, как научилась варить вкусный кофе и сколько замечательных людей повстречала.

– Это все чудесно, Верусь. Однако, прости меня, не могу не спросить про это… Но по своей старой жизни ты совсем не скучала все эти полтора года?

– Анют…

Ее вопрос был почти как удар под дых. И он же выбил из меня остатки сил.

Снова заплакав, я объяснила ей, как училась жить без Артема, без нее, без всех. И, не сдержавшись, поделилась, как Макаров нашёл меня, не забыв рассказать и про наш поцелуй.

Комментировать отношения Лизы и Артема подруга категорически отказалась, сославшись на то, что ее это вообще никак не касается. А я в ответ отказалась говорить, где живу сейчас. Ожидала, что Воронцова тут же пошлет меня на хрен и сбросит звонок. Но она молча хмыкнула и выдавила из себя «хорошо».

– Я боялась, Ань, – сказала я, всматриваясь в небо и подводя итог длинному монологу. – Боялась, что, если останусь, то все будет повторяться из раза в раз. И что однажды у меня просто не хватит сил это вывозить, и я окончательно сломаюсь. Прости меня, если сможешь. Мне безумно жаль, что я поступила так с тобой. Что я пропустила рождение Евы, что я…

Я прервалась, понимая, что сказала все что могла и больше мне попросту нечего было добавить. Если подруга сейчас скинет звонок или скажет больше никогда ей не звонить, я пойму ее. Безумно расстроюсь, но приму.

Аня молчала. Долго. А потом задала вопрос, больно кольнувший нутро:

– Ты всё ещё любишь его?

Я посмотрела на море вдалеке. Сейчас оно было чёрным, только луна рисовала серебряную дорожку.

– Не знаю. Может быть… Думаю, что да. Но я не хочу быть той, кто ждёт, пока он выберет. Я не хочу быть запасной.

– А если он уже выбрал? – спросила она тихо. – Он искал тебя. Полтора года. Андрей говорил, он не спал. Ездил по городам. Ты об этом знаешь? Думаешь, он сделал бы такое, не будь ты для него всем?

– Знаю, Ань, – прошептала, сдерживая рыдания, – Он сказал. На пляже.

– И что ты сделала?

– Ничего. Ударила его. Сказала уйти и никогда ко мне не приближаться.

Воронцова тяжело вздохнула.

– Вера… ты моя упрямая дура. Ты сбежала, потому что боялась боли. А теперь боишься счастья. Он здесь. И остался, судя по всему, ради тебя.

– Знаю. Я вижу его каждый день в кофейне и…

– И что ты чувствуешь?

Я молчала. Потому что не знала. Или знала, но не хотела признавать.

– Это разрывает меня на куски, – сказала я наконец. – Но… мне кажется… Я не знаю, как тебе объяснить, Анют.

– Скажи, как есть, Вер. Неважно насколько ужасно это звучит, – подруга хмыкнула. – Знаешь, о чем ты забыла, ко-

гда сбегала?

Мой ответ ей явно был не нужен, поэтому я промолчала, а Воронцова продолжила с осуждением:

– О том, что я всегда буду на твоей стороне, Смирнова. И неважно, что ты сделаешь или скажешь. Я та, кто в ночи приедет с лопатой, если нужно закопать труп, и при этом я не задам ни одного вопроса.

Я тихо рассмеялась:

– Нют, я могу еще сотни раз сказать, как мне жаль…

– Да, вот только легче от этого не станет. И вообще, не пытайся соскочить с темы. Говори.

Я вздохнула и решилась:

– Мне кажется, что я предам саму себя, если после всего просто соглашусь… вернуть все обратно. Все… должно быть не так. Я не знаю как, Артем появился слишком внезапно, я не была к этому готова. Понимаешь?

– Едва ли, Вер, но я…

Громкий плач прервал Воронцову и вернул меня в реальность. У нее была своя жизнь. Семья. И я…была лишним элементом.

– Ань, тебе нужно идти, я… я наберу тебе завтра, хорошо? Займись малышкой и передай Максу с Ваней привет.

– Хорошо. Но обещай, что ты и правда позвонишь. Что не пропадешь опять. Умоляю тебя, Вера. Второй раз я этого не вынесу.

– Клянусь, – прошептала в ответ.

Мы попрощались. Я положила телефон на столик, вытерла слёзы. Коты спали. Море шумело. А я сидела и думала:

Что дальше, Вера?

Глава 7

Артем

Прошло пять дней с того утра на пляже. Пять дней, которые я прожил в странном ожидании, сам до конца не зная чего. Время остановилось, и я застрял в нем, не понимая, как выбраться.

Каждое утро я просыпался в домике, который теперь казался слишком большим и пустым без Лизы. Я не удерживал ее, когда она сообщила об отъезде. Не мог. Потому что знал: она права. Я не был ее. Никогда по-настоящему не был. И вряд ли буду.

Я вставал в семь, варил кофе, пил его на террасе, глядя на море. Оно было спокойным, но внутри меня бушевала буря.

Она там. За стойкой. Улыбается туристам. А я сижу здесь, как идиот, и не знаю, что делать.

К восьми тридцати я шёл в «Морской Бриз». Каждый день. Это был особенный ритуал, смысл которого я сам не понимал. Знал я только одно – так было нужно.

Входил в кофейню. Вера не поднимала глаз и не поворачивалась в мою сторону, чтобы поприветствовать с улыбкой.

Заказывал американо. Садился у окна и смотрел. Целый день. Молча. Писал в блокноте. Иногда бессвязный набор слов, иногда чертил линии. Но чаще всего просто глядел на нее.

Отслеживал все ее движения. Наблюдал, как она взбивает молоко, как вытирает стойку, как улыбается посетителям.

Она красивая. Ещё красивее, чем я помнил. Загар, длинные волосы в хвосте, лёгкая улыбка. Но глаза… Глаза усталые.

Я ждал. Чего? Что она подойдёт?

Скажет: «Хватит»?

Или: «Прости»?

Я не знал. Но уйти не мог. И понять, как подступиться, тоже. Я прекрасно оознавал, что измором Смирнову не возьмешь. Нужно действовать медленно и методично.

Первый день был самым тяжёлым. Я пришёл, заказал кофе, сел. Она поставила чашку на стойку, не глядя в мою сторону. Я коснулся ее пальцев случайно. Вера отдернула руку, словно обожглась, и сразу же ушла в другой конец помещения. Я просидел до закрытия, а принцесса так ни разу и не прошла мимо меня. Подговорила свою коллегу обслуживать всю зону вокруг моего столика.

Во второй день было все то же самое. Но я подметил, она вздрагивала каждый раз, когда я входил после перекура. Не смотрела в мою сторону, но реагировала. А я выводил в блокноте раз за разом:

«Я люблю тебя».

На третий день грузная женщина по имени Маша, та, что печет в кафе булочки, подошла ко мне и, ткнув пальцем в плечо, произнесла:

– Молодой человек, вы каждый день тут. Смотрите на нашу Верочку все время. А вы ей, собственно, кто?

Я впервые за неделю улыбнулся.

– Был… всем, а сейчас никто, – пробормотал тихо.

Она хмыкнула.

– Ох, молодежь, не умеете вы разговаривать! Только обидки друг на друга кидать.

Я усмехнулся и промолчал. А Маша, махнув рукой и пробормотав что-то под нос, вернулась на кухню.

На четвёртый день я заказал третий кофе ближе к вечеру. Вера поставила чашку на мой столик, и я тихо произнес:

– Спасибо, принцесса.

Смирнова замерла. Посмотрела на меня впервые за все время. Глаза вспыхнули знакомым огнем. Но она ничего не сказала. Ушла молча. Я, как обычно, сидел до вечера. И думал:

Ты всё ещё моя принцесса. Даже если не хочешь ею быть.

На шестой день я принёс цветы. Полевые, которые увидел по дороге сюда и нагло сорвал. Положил их на барную стойку. Вера увидела их сразу, как повернулась, но букет не взяла, сделав вид, что его нет. Но я заметил ее улыбку. Едва заметную. Всплывшую буквально на секунду. К концу дня цветы завяли, так и лежащие одиноко на стойке до самого закрытия.

Я встал. Оставил деньги на столе. Вышел на улицу. Достал сигареты, пачка мятая, последняя, надо сгонять за но-

вым блоком, да только времени на это нет. Прикурил. Затянулся. Дым обжег горло.

Что я делаю? Зачем? Она сказала: уходи. Навсегда. Так на кой черт я прихожу сюда каждый день? Чего жду? Почему не решаюсь пойти и сделать что-то?

– Молодой человек, – голос тёти Маши выдернул из размышлений. Она стояла в дверях кофейни, поправляя ремешок огромной сумки. – Артём, кажется? Хватит уже каждый день тут как пес побитый ошиваться, иди уже поступи как настоящий мужик. Закинь Верочку на плечо и утащи ее поговорить, коль нормально она не хочет.

Я хмыкнул и выдохнул дым.

– Не ваше дело.

Она коротко рассмеялась. Подошла ближе, и меня тут же окутал запах приторно-сладких духов.

– Моё. Она как дочка мне. Вижу, как мучается. И ты мучаешься. Иди к ней. Поговори. Ну хоть кто-то же из вас двоих должен быть умнее.

– Она не хочет, – сказал я, глядя на море. – Не любит она меня больше.

Тётя Маша фыркнула.

– Тоже мне, подумаешь. Перехочет, милок! Вера у нас дама упрямая. Бежит от счастья своего как от огня. Я так сразу и поняла, что от мужчины она сюда сбежала, а не просто отдохнуть приехала и решила задержаться. Но ты… Раз ты сюда за ней приехал, раз не сбегаешь и ждешь чего-то. Зна-

чит, надо. Любишь и хочешь. А это редкость.

– Наверное…

– Сынок, она живёт наверху, прямо над кофейней. Иди, пока не стало слишком поздно.

Я замер. Сигарета тлела в пальцах.

Над кофейней. Так близко, оказывается, все это время была.

Затушил окурок о забор и посмотрел на окна наверху. В них горел тусклый свет, на подоконнике четко вырисовывался силуэт… кота?! Смирнова завела себе домашнее животное? Вот это неожиданность.

– Спасибо, – пробормотал я, переводя взгляд на повариху.

Она кивнула, похлопала меня по плечу и ушла.

Я стоял, глядя в окна Вериной квартиры, курил уже третью сигарету подряд и думал:

Пойти туда? Или уйти?

Выкинул сигарету, придавил ногой и пошёл к двери. Поднялся по лестнице. Сердце колотилось как бешеное. Остановился у двери. Постучал. Не громко, но настойчиво.

Глава 8

Вера

Прошёл шестой день, который Макаров ожидаемо провел в кофейне, еще и притащил мне букет цветов. Хотелось одновременно взять его, прижать к себе, зарыться в цветы носом и схватить его, чтобы выкинуть, предварительно отхлестав Макарова по лицу.

Для себя я решила, что завтра поговорю с ним. Спрошу, зачем он приходит. Узнаю, чего хочет.

Надо было сделать это сегодня, но я была морально не готова к этому диалогу.

Закрыла кофейню позже обычного. Посетители никак не хотели расходиться, заказывали еще кофе и пирожные, а тётя Маша напекла столько круассанов, что мы раздавали их напоследок бесплатно.

Вытерла стойку, выключила кофемашину, попрощалась с Алисой, которая ушла на свидание с новым парнем, и поднялась по лестнице в квартиру. Коты привычно ждали у двери. Я насыпала им корм, налила воды, открыла балкон, чтобы впустить прохладу. Села в плетёное кресло, обняла колени, глядя на тёмное небо, и думала о жизни.

Из размышлений меня вырвал тихий, но настойчивый стук в дверь. Я вздрогнула.

Кто мог прийти в такое время? Дядя Коля? Люба? Тетя

Маша?

Подошла к двери, посмотрела в глазок. Артём. В лёгкой светлой рубашке, чуть влажной, волосы прилипли ко лбу. Глаза тёмные, глубокие, полные чего-то, что я не могла разобрать. Я замерла.

Как он меня нашёл? Боже. Что мне делать?

Стук повторился, но в этот раз мягче.

– Вера, – раздался его тихий голос. – Открой, пожалуйста.

Я сжала ручку двери.

Открыть? Или притвориться, что я уже сплю?

Сердце стучало так громко, что я боялась, он услышит. И приоткрыла дверь, не снимая цепочки.

– Что тебе нужно? – спросила, стараясь звучать твёрдо. – Я сказала: не подходи.

Артем пристально посмотрел мне в глаза.

– Я не могу больше молчать. Я… я тону, Вера.

– Уходи, – сказала я, но голос дрогнул.

– Не уйду, – он шагнул ближе к двери, просунул руку внутрь и снял цепочку. Я отступила на пару шагов назад.

Макаров уверенно вошел и закрыл за собой дверь.

– Мы поговорим. Сейчас. Как нормальные люди.

– Нет! – выпалила, обнимая себя руками. – У тебя Лиза! У тебя своя жизнь! А я…

– Лизы нет, – перебил он. – Она уехала. Потому что я… я не её. Я твой.

Я замерла. В груди кольнуло.

– Что?

– Я твой, – повторил он, подходя ближе. Его пальцы коснулись моей щеки. – Всегда был. Даже когда ты ушла. Даже когда я ненавидел себя и тебя.

– Врёшь, – прошептала я, но уже не верила себе.

Его тепло было так близко. Ощущалось так приятно и нужно.

Артем покачал головой.

– Не вру. Я люблю тебя. Все эти полтора года. Каждую ночь. Каждое утро. Каждую секунду.

Я оттолкнула его руку.

– Тогда почему в твоей жизни появилась Лиза, а? Любил ты меня, а спал с ней. Зачем?

– Потому что был идиотом, – ответил Макаров едва слышно. – Сломленным идиотом. Я искал тебя. Ждал. Мечтал тебя увидеть, да хоть просто услышать. А потом… потом устал и решил, что она сможет заполнить пустоту в моей груди, понимаешь? Ту, что ты оставила своим уходом.

– Как у тебя все просто, Макаров, – пробормотала я, слёзы уже жгли глаза. – А о ее чувствах ты не думал, да?

– Нет, – сказал он, беря моё лицо в ладони. – Я думал только о тебе. На нее мне было плевать. Как бы ужасно это ни звучало. В моей голове всегда была только ты. Только мы.

Я ударила его по груди кулаками. Слабо, едва прилагая усилия.

– Урод…

Он поймал мои руки. Прижал их к своей груди.

– Да, урод. Но твой. Прости меня, принцесса.

И поцеловал. Нежно. Как в первый раз. Медленно, с трепетом. Его губы были теплыми, мягкими.

Я замерла, потом ответила. Со стоном. С тоской.

Как в последний раз.

Мои пальцы запутались в темных волосах, его руки обняли за талию, прижали ближе. Я чувствовала биение его сердца. Оно стучало так же быстро, как моё.

Тёма оторвался от моих губ, коснулся лбом моего лба.

– Вера…

В самый ответственный момент Матвей решил, что ему срочно нужно покушать и громко оповестил нас с Макаровым об этом.

– Ты завела кота? Весьма неожиданно.

– Вообще-то двух, но… Ты правда хочешь поговорить об этом прямо сейчас?

Он хмыкнул и пробормотал:

– Да не особо.

Я притянула его обратно. Поцеловала сама. Сильнее, глубже. Его руки скользнули под мою блузку, по спине, медленно расстегнули лифчик. Я выгнулась, когда его горячие пальцы коснулись обнаженной кожи. Он скинул блузку, поцеловал шею, ключицу, грудь. Я тихо стонала, не в силах сдерживаться.

Боже, как я скучала по его прикосновениям.

– Артём… – выдохнула я, снова запуская пальцы в его волосы и притягивая ближе.

Макаров прервал дорожку поцелуев по плечу, посмотрел на меня, подхватил на руки и понес в сторону дивана. Коты тут же юркнули в сторону кухонного гарнитура.

Обнаженная спина впечаталась в диван, он лег сверху, опираясь на локти, а мне безумно хотелось притянуть его на себя, вдавить ближе. Ощутить такую необходимую тяжесть мужского тела. Но я не решалась и просто хаотично проводила руками по любимому телу, задевая ногтями спину, плечи, ребра.

Он медленно стягивал оставшуюся одежду, целуя каждый сантиметр кожи. Я расстегнула его рубашку, провела ладонями по груди, по шрамам, которые помнила, задела кубики пресса, которые за прошедшее время стали выделяться еще сильнее. Помогла ему избавиться от брюк и трусов. Твердый, горячий, пульсирующий член вырвался на свободу. Не удержавшись, я нежно его коснулась, провела пальцами по всей длине, от основания до головки, ощущая, как он вздрагивает под моими пальцами.

– Вера… – прошептал Артем, вдавливая меня в диван.

Его язык снова в моём рту. Руки на моей груди, пальцы ласкают соски – мягко, кругами, то сжимая, то отпуская, вызывая волны дрожи по всему телу. Я выгнулась, стоны срывались с губ. Тихие, прерывистые, полные тоски. Раздвинула ноги шире, обняла его бедрами, ощущая, как его член упи-

рается в меня, горячий и твёрдый. Он вошёл медленно, сначала только головкой, потом глубже, наполняя сантиметр за сантиметром, давая привыкнуть к ощущению полноты. Я ахнула, вцепилась в его плечи, ногти оставили лёгкие следы.

Он внутри. Наконец. Как будто вернулась домой после долгого отсутствия.

Толчки были нежными, плавными, но глубокими. Каждый раз Артем входил до основания, касаясь самых чувствительных точек, вызывая стоны, которые я не могла удерживать внутри. Двигалась навстречу, пытаясь подстроиться под заданный Макаровым ритм, шлепки наших тел эхом отдавались в комнате. Его губы на моей шее, на плечах, на груди, кружат вокруг то одного соска, то другого, посасывая, покусывая нежно, заставляя извиваться. Я гладила его спину, чувствовала каждый мускул, каждое движение, стоны сливались в один – мои высокие, его низкие, хриплые.

– Я люблю тебя… – шептал он с каждым рывком, голос срывался, глаза не отрывались от моих – в них была вся боль, вся любовь, вся тоска полутора лет.

Я не отвечала словами. Только стонала громче, прижималась ближе, целовала его шею, губы. Язык сплетался с его в поцелуе, полном отчаяния.

Как в последний раз. Как будто завтра не будет.

Мы двигались в одном ритме, то медленно, то ускоряясь, тело покрылось потом, кожа скользила по коже. Его член заполнял полностью, толчки становились глубже, нежнее, с на-

растающей страстью. Я уловила, как он пульсирует внутри, как близко он к краю.

Волны удовольствия нарастали во мне, тело напряглось, и я кончила – остро, с дрожью по всему телу, громкий крик сорвался с губ, отголоски оргазма прокатились от низа живота к кончикам пальцев, заставив меня сжаться вокруг него.

– Артём… – выдохнула я, ощущая, как он напрягается, как начинает вбиваться в меня резче.

Несмотря на то, что мозг по ощущениям был похож на желе, здравый смысл еще подавал признаки жизни, подкидывая мне картины из туалета аэропорта.

– Тема, мы без… защиты, – едва слышно пробормотала.

Он кивнул, но не остановился, глаза полностью потемнели от желания. Движения стали хаотичными. Я попыталась вырваться, уперлась руками в его бёдра, стараясь оттолкнуть.

– Выйди… пожалуйста… – прошептала я, голос дрожал от страха и удовольствия.

Но Макаров крепко удерживал, стискивая бедра, вдавливая сильнее в обивку дивана, прижался максимально близко, совершая серию коротких, глубоких толчков.

– Вера… – выдохнул на финальном рывке.

И в последний момент вышел из меня, кончая на мой живот и грудь – тепло, обильно, белесые струи покрыли кожу, а я тихо выдохнула от облегчения.

Он упал сверху, совершенно не заботясь о том, что перепачкается, обнял крепко, губы коснулись моего виска, а за-

тем горячее дыхание коснулось шеи. Так Артем и замер.

Я обхватила его руками и ногами, оплетая полностью и не оставляя ни сантиметра пустого пространства между нами.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

А я не нашла в себе силы ответить.

Глава 9

Артем

Я проснулся от странного ощущения. Что-то одновременно мягкое и мокрое тыкалось в мою щеку. Приоткрыл один глаз и увидел перед собой любопытную черную мордочку. Смирнова вчера сказала, что котов двое. Я осмотрелся. Второй, серый, сидел на полу, недовольно глядя в нашу сторону. Кажется, пушистые товарищи были голодны. Перевел взгляд на спящую Веру.

Она лежала, свернувшись калачиком, её дыхание было ровным, спокойным, волосы разметались по подушке, темные пряди спутались, губы чуть приоткрыты, а на коже следы моих поцелуев: красные пятнышки на шее, на плече, на груди, оставленные в порыве страсти.

Смотрел на неё и не мог поверить своему счастью. Она здесь. Со мной. После полутора лет ада, после поисков, после пустоты. Это не сон. Это реальность.

И нарушать ее покой раньше времени мне не хотелось. Аккуратно вылез из кровати. Натянул боксеры и босыми ногами прошлепал на кухню. Небольшая ревизия по шкафчикам помогла мне найти кошачий корм. Правда, я без понятия, как правильно их нужно кормить. Но, в целом-то, если так посудить, ничего трудного в этом нет. Насыпал еду в две миски, стоящие возле стола, убедился, что прием пищи на-

чался, и двинулся обратно к кровати.

Улегся на бок, подложив одну руку под голову, а второй осторожно провел по её щеке. Нежно, стараясь не разбудить, просто хотелось убедиться, что она настоящая. Кожа была мягкой, теплой, и от этого прикосновения внутри меня что-то сжалось – смесь радости и страха. Страха, что это всё может исчезнуть в любой момент, как мираж в пустыне. И радости, от которой я был готов выйти на балкон и орать.

Принцесса пошевелилась, вздохнула, ресницы дрогнули. Она медленно открыла глаза, и я за секунду уловил в них что-то… холодное.

– Доброе утро, малыш, – прошептал, наклоняясь ближе, пытаясь поцеловать её.

А еще нестерпимо хотелось обнять, прижать к себе, раствориться в этом моменте.

Но она отстранилась. Резко, как будто моё прикосновение обожгло её. Села на постели, подтянула колени к груди, обхватив их руками, и уставилась в стену. Занавески колыхнулись от легкого ветра, и в комнате повисла тишина, прерываемая только далёким шумом волн.

– Артём… это была ошибка, – произнесла она спустя пару минут твёрдо, словно озвучила смертный приговор.

Я замер, всё ещё лёжа на боку. Сердце пропустило удар, а потом забилось чаще, как будто пыталось вырваться из груди.

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Ошибка, – повторила Смирнова без эмоций, без дрожи в голосе.

Ее слова резали, словно нож. Она не смотрела на меня, продолжая обнимать колени в попытке отгородиться.

– Ночь. Секс. Всё это. Это ничего не значит. Просто… импульс. Минутная слабость, – Вера безжалостно продолжила говорить.

Я сел, потер лицо ладонями. В голове закружился вихрь мыслей, воспоминания о вчерашнем вечере нахлынули: её стоны, её руки, впивающиеся в мою спину, её тело, изгибающееся под моим. Это было настоящим, это было с нами. Как она может так говорить?

– Вера, ты сейчас серьёзно? После всего, что было? После того, как мы… после того, как ты сама… Мы же говорили, мы…

– После того, как ты пришёл сюда, – перебила она, наконец повернувшись ко мне. Её глаза были ледяными, пустыми, как будто она надела одну из своих излюбленных масок. – После того, как ты сидел в кофейне целыми днями, смотрел на меня, как щенок, я… сдалась. Но это не любовь, Артём. Это слабость. Я не люблю тебя. Не хочу тебя. Ничего, связанного с тобой, больше не хочу.

Лучше бы она зарядила мне пощечину, чем сказала все это. Было бы не так больно. Я четко уловил момент, когда злость начала подниматься внутри – горячая, обжигающая. Она врёт. Я видел любовь в её глазах вчера, чувствовал в

каждом прикосновении. Её тело отвечало мне, её губы шептали моё имя. Но теперь она сидит здесь, в этой крошечной квартире над кофейней, и отрицает всё. Я встал с постели, комната вдруг показалась слишком тесной, воздуха в легких катастрофически не хватало.

– Ты врёшь, Вера, – сказал я тихо, но в голосе уже сквозила злость. – Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Ты любишь меня. Ты всегда любила. Вчера… вчера ты была моей. Полностью. Ты стонала, ты целовала меня, ты…

– Замолчи! – она вскочила, накинула на себя халат, лежащий на спинке стула, и отступила к окну. Её руки дрожали, но голос оставался твёрдым. – Это ничего не значит! Это был просто секс, Артём. Физика. Гормоны. Я жила без тебя полтора года и была счастлива. По-настоящему счастлива. Без всех этих драм, без воспоминаний о том, что было. Я варила кофе, гуляла по пляжу, спасла котов с улицы и наслаждалась жизнью! Пока ты не ворвался сюда и не разрушил все то, что я построила. Все это время мне не нужно было каждую ночь думать, любишь ли ты меня или просто используешь, чтобы забыть прошлое.

Я сделал шаг ближе, кровь гулко стучала в висках.

– Разрушил? Это я, блять, разрушил? Я искал тебя по всей стране! Я не спал ночами, Вера! А ты… ты жила здесь, в этой дыре, с котами и туристами, варила кофе, как ни в чём не бывало! Как будто я был ошибкой, которую можно стереть, как ты удалила гребаную переписку!

Она фыркнула, скрестив руки на груди.

– Да, ты был ошибкой. Мы были ошибкой. С самого начала. Ты с твоей мёртвой женой в голове, я – с моими страхами. Мы только мучили друг друга. А теперь… теперь ты пришёл и снова всё перевернул. Но я не вернусь к этому. Я не люблю тебя. Не хочу ничего. Ни отношений, ни разговоров, ни твоего "прости". Мои чувства к тебе… Их не было! Я тебя никогда не любила, Макаров. Я врала себе, когда думала, что это так! И тебе врала, потому что…

Злость хлестнула меня еще сильнее. Я схватил её за руку, дернул на себя, не сильно, но достаточно, чтобы она не могла отстраниться.

– Не любишь, значит? Чувств у тебя ко мне никогда не было? Не хочешь меня, блять? Хорошо. Скажи это еще раз. Глядя мне прямо в глаза. Давай, Вера. Ну же!

Смирнова слабо дернулась, пытаясь вырваться. А потом замерла, отвернула голову к стене, шумно выдохнула и повернулась обратно.

– Я. Тебя. Не. Люблю, – впившись в меня глазами, четко с расстановкой произнесла она. – И. Никогда. Тебя. Не. Любила.

Контрольный выстрел. Безжалостный и хладнокровный.

Я отпустил ее руку, сделал шаг назад. Сдерживать себя больше не было смысла.

– Ты трусиха, Вера! Всегда ею была! Бежишь от всего, что пугает, вместо того чтобы разобраться, что делать! Свалила

от меня, от друзей, от нормальной жизни! Ты жила счастливо? Ха! Ты пряталась! В этой квартире, за стойкой, за улыбками туристам! Но я видел твои глаза в кофейне, и они были пустыми! Ты притворялась! И продолжаешь делать это сейчас.

Ее щёки вспыхнули, она, как рыбка, открывала и закрывала рот в попытке придумать достойный ответ.

– Что, принцесса, нечего сказать в ответ?! Хуево ты подготовилась меня отталкивать, родная.

Смирнова вздрогнула от моих слов и обхватила плечи руками.

– Уходи, Артём. Сейчас же. Пошел на хрен из моей квартиры! Забирай свое никому ненужное «я тебя люблю» и вали отсюда! Мне от тебя ничего не надо и никогда не было надо!

Я стоял, глядя на неё, и внутри закипал. Вспомнил нашу встречу в Питере. То, как она ворвалась в зал – язвительная, с улыбкой, зацепившей меня в секунду.

«Вас легко узнать, товарищ лавровый листик. По фирменному выражению лица…».

Потом был долгий и нелегкий путь к отношениям: ссоры, примирения, ночи в нашей квартире, её тело под моим, её "Тёма" в моменты страсти. Я любил её. Искал. Ждал. А она… она отрицает всё, как будто это ничего не стоило. Ничего и никогда не значило. И бьет больно, расчетливо. Выворачивает наизнанку своими словами.

– Сука, – Вера сильно дернулась от моих слов и крепче

обняла себя руками. – Какая же ты сука, Вера.

Она молча смотрела на меня, хлопая длинными пушистыми ресницами.

– Хорошо, – произнес я после пары минут тишины. – Ты выиграла. Я ухожу. Навсегда. И больше никогда тебя не побеспокою! Пошло оно все на хуй! Я заебался со всем этим что-то делать один! Но знай – ты врёшь самой себе. Ты любишь меня, но боишься это признать. А когда поймёшь, будет слишком поздно. Я устал быть твоей «ошибкой». Устал ждать, пока ты решишь жить. Прощай, принцесса.

Оделся молча, быстро, не глядя на неё. Она стояла у окна, отвернувшись, глядя на море. Коты громко мяукнули, сидя на кухонном гарнитуре, но я не обратил внимания. Хлопнул дверью, спустился по лестнице, вышел на улицу и закурил. Солнце уже палило, воздух был горячим, но внутри меня все заледенело.

Выкурив подряд три сигареты, сел в машину, завёл двигатель и поехал в Сочи.

Совершаю ли я ошибку? Может быть, да, а может, и нет. Сейчас это было неважно.

Дорога была долгой, извилистой – море слева, сверкающее под солнцем, обильная зелень и горы – справа. Громко включил музыку в попытке заглушить её голос в голове:

«Я не люблю тебя».

«Я тебя никогда не любила, Макаров».

«Я врала себе, когда думала, что это так! И тебе врала,

потому что…»

«Забирай свое никому ненужное «я тебя люблю» и вали отсюда! Мне от тебя ничего не надо и никогда не было надо!»

Ложь. Гребаная, сука, ложь. Но я устал бороться.

Полтора года я тонул в воспоминаниях, и с меня довольно.

В Сочи я приехал уже ближе к обеду. Остановился перед главным входом в гостиницу «Дельфин».

Вошел в прохладный холл с запахом свежего кофе и цветов. Лиза сидела в кресле у окна, с чемоданом у ног. Печатала что-то в телефоне и ждала меня. Увидела, как я вошел, встала, но не бросилась навстречу. Просто смотрела на то, как я иду к ней, в глазах полно вопросов, но упрека в них я не заметил.

Молча подошел вплотную. Взял за руку и переплёл пальцы. Женская ладошка была теплой, знакомой и нужной сейчас. Она сжала мою в ответ, но ничего не спросила. Второй рукой я подхватил небольшой чемодан и, слегка потянув за собой, повел Лаврову на выход. Пора было возвращаться домой. Наотдыхались уже.

Лиза продолжала молчать, просто шла со мной рядом, прижавшись к моему боку и крепче сжимая пальцы. Боковым зрением срисовал, как уголок ее губ слегка дернулся, и услышал тихий выдох.

В тишине мы подошли к машине, Лаврова уселась на переднее сиденье, закинула рюкзак назад. Я загрузил ее чемодан в багажник к своим вещам, выкурил очередную сигарету

и, усевшись за руль, отправился к новой жизни.

Без драмы. Без боли. Без Веры.

Глава 10

Вера

Поступила ли я как полная идиотка, сказав Артему все те слова? Да.

Считала ли я себя истеричкой? Однозначно.

Понимала ли я, зачем сделала это? Ни капельки.

Мой мозг полностью вырубился. Осталась только паника, толкнувшая меня на безрассудные поступки.

Могла ли я все исправить? Нет.

Хотела ли? Да.

Но я отдавала себе отчет в содеянном. Ничего уже нельзя было исправить. Тема был прав. Во всем.

И сейчас я понимала это как никогда остро. Если любишь – отпусти. Ранее непонятная мне фраза теперь обрела смысл. Иногда это правда работает именно так.

Я не могла дать ему то, чего он хотел, а может, и никому не смогла бы. А в его жизни теперь есть Лиза, она любит его, и, быть может, однажды он полюбит ее в ответ и будет счастлив. И если ради его счастья мне нужно будет провести остаток дней в гордом одиночестве, я пойду на это.

Прошло четыре дня с того утра, когда я выгнала Артёма, и каждый из них тянулся, как вечность, наполненная пустотой и эхом его слов. Багира лежала в ногах, свернувшись клубком, а Мотя сидел на подоконнике, глядя на волны, как будто

и он решил погрустить со мной за компанию. Я села в постели, обхватила колени руками и уставилась в стену. Сердце болело, но не так остро, как в первые дни. Сейчас оно саднило, хоть и постоянно, но едва ощутимо, как фоновый шум.

Я пыталась справиться с эмоциями, но они то накатывали, то отступали. Вчера я целый день работала, улыбалась туристам, варила кофе, но каждый раз, когда звенел колокольчик у двери, я вздрагивала, ожидая увидеть его. Но он не пришёл. Конечно, не пришёл.

Я же сказала: Уходи.

Но остатки здравого смысла, почему-то куда-то сбежавшие в самый нужный момент, кричали:

«Вернись, пожалуйста».

Я вспоминала его прикосновения, его поцелуи, его слова: «Я люблю тебя».

И слёзы жгли глаза.

Почему я так поступила? Почему снова оттолкнула? Потому что боялась. Боялась, что, если позволю ему остаться, то снова потеряю себя в этой буре эмоций. Я жила полтора года без него и была… спокойна. Не счастлива, но спокойна. А теперь всё внутри перевернулось, и я не знала, как собрать осколки.

Встала, умылась холодной водой, чтобы стереть следы очередной бессонной ночи. Но дело было абсолютно бесполезное, ибо красные глаза и опухшие веки выдавали с потрохами.

Сварила крепкий кофе и вышла на балкон. Море было спокойным, небо ясным, но буря внутри меня не затихала.

Еще один день прошёл в рутине: туристы, много кофе, тётя Маша и ее круассаны, дядя Коля и газета.

Я улыбалась, шутила, но внутри была пустота. Вечером, вернувшись домой, я села на диван и заплакала. На полноценную истерику сил не осталось. Просто слёзы текли, смывая напряжение.

– Это пройдёт, – прошептала я себе вслух. – Ты справишься. Как раньше.

****

На следующий день, ближе к обеду, когда я отдыхала после утренней смены, в дверь постучали. И лучше бы я не открывала. На пороге стояла Люба, моя соседка из дома напротив – энергичная женщина лет сорока, с ярким макияжем и чуть глуповатой улыбкой. В руках она держала большой бумажный пакет с овощами, видимо, шла с рынка.

– Верочка, милая! – воскликнула она, врываясь в квартиру без приглашения. – Ты выглядишь такой уставшей! Что-то случилось?

Я заставила себя улыбнуться.

– Нет, Люба, всё нормально. Просто много работы.

Она хмыкнула, поставила пакет на стол и плюхнулась на стул.

– Врёшь ведь. Глаза красные, нос весь шелушится. Ревела, однозначно. Это из-за того мужчины, который сидел в

кофейне целыми днями? Он уехал, что ли?

Я замерла. Тётя Маша, наверное, рассказала.

– Люба, давай не будем…

– Ладно, – она подняла руки в примирительном жесте. – Не лезу. Но я пришла с предложением! Помнишь, я говорила про моего брата Руслана? Он таки приехал из Москвы, задержался, конечно, и получилось позже, чем я тебя ориентировала, но он тут. И я все еще настаиваю, чтобы вы сходили на ужин, Вера!

Я закатила глаза, собираясь отказаться, но соседка схватила меня за руку и настойчиво продолжила:

– Нет, ну правда, Веруня, соглашайся! Он такой милый, успешный. Работает в IT, без вредных привычек, и ему точно понравится такая красавица, как ты!

Я вздохнула, аккуратно вытаскивая ладонь из цепкого захвата. Скворцова пыталась свести меня со своим младшим братом Русланом уже месяц, но я всегда отмазывалась. А теперь… теперь, после случившегося, идея показалась мне способом отвлечься. Может, новый человек поможет забыть?

– Ладно, Люба. Я согласна. Пойду я с ним на ужин. Когда? Спрошу сразу у тебя, а то я почти уверена, что ты приложила руку к организации.

Она просияла.

– Сегодня на 19:00 у вас забронирован столик во «Флагмане». Он заедет за тобой в 18:45. Одень только свое лучшее

платье, милая!

Я кивнула, соглашаясь со всем, что она просит, лишь бы по скорее выпроводить Скворцову. Просидев еще двадцать минут и прожужжав мне все уши про то «какой Русланчик хороший», она ушла, довольная до невозможности.

****

Вечером я надела простое платье – чёрное, длиной до колена и с открытыми плечами, собрала волосы в высокий хвост, слегка накрасила губы блеском, не желая сильно выделяться.

Руслан оказался высоким, светловолосым, гладковыбритым мужчиной, с улыбкой, во все тридцать два зуба.

Полная противоположность Макарову.

Эта мысль в мозгу сформировалась явно без моего участия.

Скворцов открыл дверь машины, подал руку, и мы поехали в ресторан.

«Флагман» оказался уютным местечком – деревянные столы, свечи, вид на море. Мы сели у окна, заказали салаты и вино. Руслан начал рассказывать о себе: о работе в IT-компании, о поездках в Европу, о хобби – теннисе и книгах по саморазвитию. Он был вежливым, внимательным, задавал вопросы о моей жизни в Бетте, о кофейне.

– Ты кажешься такой независимой, – сказал он, улыбаясь. – Мне нравятся такие женщины.

Но пока мой спутник говорил, я невольно продолжала

сравнивать его с Артёмом.

Скворцов был спокойным и очевидно предсказуемым. Явно без внутренней искры, с ним у меня бы никогда не было споров до хрипоты, которые у нас с Тёмой случались на постоянной основе.

Его глаза были голубыми, а у Артема темно-карие. У Макарова всегда была борода или, как минимум, легкая щетина. Руслан же явно каждое утро тщательно брился. Когда он взял меня за руку, прикосновение было приятным, но не обжигающим, как у Тёмы. Он всегда хватал за запястье, притягивал ближе, а Скворцов же просто аккуратно взял за ладошку, как будто боялся, что сделает больно.

Я внезапно вспомнила о той ночи: о поцелуях, о его теле на моём, о его «люблю тебя».

И поняла, что Руслан мне не нравится. Он был хорошим мужчиной, но не моим. Не тем, кто мог бы разжечь во мне огонь. Он был как тихая гавань, а я привыкла к шторму.

Как мне теперь сбежать отсюда? – прокручивала в голове вопрос, улыбаясь в ответ на его шутку.

Может, сказать, что плохо себя чувствую? Срочно вызвали на работу? Или просто встать и молча уйти?

Вино казалось безвкусным, еда – пресной. Я смотрела на море за окном, вспоминала пляж, где Артём меня поцеловал, и слёзы подступали. Руслан продолжал говорить о каком-то проекте, а я кивала, но мысли были далеко.

Может, позвонить Любе и сказать, что у нас не клеит-

ся? Или просто извиниться и уйти?

Из потока мыслей меня вырвал внезапный звонок мобильного в моей сумочке.

Хвала богам! Надеюсь, это мое спасение, а не мошенники.

Извинившись, полезла в клатч и достала телефон. На экране высветилось: «Анюта».

Сердце заколотилось быстрее.

Господи боже, Воронцова, ты даже не представляешь, как сильно я рада твоему звонку сейчас!

Посмотрела на Руслана, пробормотала:

– Извини, пожалуйста, важный звонок.

И нажала на «Ответить».

Глава 11

Вера

– Вера! Наконец-то! – воскликнула Аня, её голос звучал взволнованно, с ноткой паники, которая сразу насторожила. – Я звоню, потому что…Слушай, мне нужна твоя помощь. Очень-очень срочно! Вопрос жизни и смерти!

Я извинилась перед Русланом взглядом и отошла от стола, выйдя на террасу ресторана, где шум волн заглушал музыку внутри. Ветер трепал платье, а сердце стучало чаще.

– Ань, что случилось? Ты в порядке? Ева? Максим? Ванечка?

Она вздохнула, и в этом вздохе я услышала усталость, смешанную с беспокойством. Кажется, еще минутка, и паника захлестнет меня.

– С нами всё нормально, но…с моими родителями беда. Точнее, с мамой. Она упала вчера, сломала ногу в двух местах, её увезли в больницу. А папа… папа на съезде любителей рыбалки во… Владивостоке. И он там без связи.

Я с облегчением выдохнула, понимая, что с детками все хорошо. Подруга тем временем продолжила:

– Понимаешь, нужно помочь ей заполнить все документы, ты же знаешь, она в этом полный ноль, сидеть с ней, помогать, пока она в больнице, и все такое прочее. А я с Евой на руках, она только-только от простуды вылечилась, и Ваня

сейчас в очень капризном возрасте, и его нужно возить на кружок, а Максим в командировке до конца недели, и я не могу разорваться....

Я замерла, опираясь на перила террасы.

Родители Ани. Я хорошо их помнила. Теплые, гостеприимные, всегда угощали пирогами, когда я приходила в гости.

Тётя Оля с её вечными рассказами о саде, дядя Толя с шутками и подколами.

Перелом ноги в двух местах? В их возрасте это серьёзно.

Воронцова продолжала говорить, её голос дрожал:

–Вер, ты – единственная, кто может помочь. Пожалуйста, приезжай. Билеты я помогу купить, если нужно. Просто… мама спрашивала о тебе. Сказала, что скучает по «нашей Верочке».

Слова Ани кольнули в самое сердце. Я представила ее маму в больничной палате – одинокую, бледную, с гипсом.

Полтора года я пряталась здесь, в Бетте, строя свою новую тихую жизнь, но теперь… теперь это казалось эгоистичным. Аня права – я нужна подруге.

А, может, это знак? Вернуться в Питер, хотя бы ненадолго, чтобы помочь. Стоило об этом подумать, как тут же промелькнула мысль об Артёме.

Интересно, они живут в его квартире? Или в ее?

Господи, Вера, прекрати! Речь сейчас идет о родителях Ани. О дружбе, которую я бросила. Это важнее.

– Хорошо, Анют, – выдохнула, решение помочь четко

сформировалось внутри. – Я приеду. Вылечу завтра утром. Расскажи, в какой больнице мама?

Подруга облегчённо вздохнула, и мы проговорили ещё минут десять. Она объяснила, что нужно будет сначала заехать к ней, чтобы забрать вещи для мамы, и потом она сообщит, куда ехать. Пообещала направить ко мне кого-нибудь, чтобы меня встретили в аэропорту.

– Ты моя спасительница, Вер. Я люблю тебя. И… очень скучаю.

– Я тоже, Нют.

Мы попрощались, и я вернулась к столу.

Руслан смотрел вопросительно, но я быстро извинилась:

– Прости, семейные дела. Мне нужно срочно уйти. Было приятно познакомиться, но…

Он кивнул, не настаивая, и даже предложил подвезти, но я отказалась – вызвала такси и поехала домой.

Кажется, Скворцов понял все без лишних слов. Ну и прекрасно, не придется придумывать необидное оправдание. Хотя… Люба точно мне всю плешь проест, пытаясь выяснить, почему ее «хороший брат» мне не зашел. Но сейчас мне было совсем не до этого.

В машине мысли вихрем кружились. Возвращение в Питер по-настоящему пугало. После полутора лет.

Что меня ждёт там? Аня, её родители, воспоминания. Артём… Наша квартира.

Нет, не думать о нём. Только не о нём.

Дома коты встретили, как обычно, у двери, требовательно мяукая. Я присела, почесала их, и слёзы навернулись на глаза. И я словила себя на мысли, что стала слишком сентиментальной за прошедшее время.

– Я ненадолго уеду, ребятки. Скоро вернусь. А пока меня не будет, тетя Маша за вами приглядит.

Но внутри было страшно. Как будто этот отъезд мог изменить всё.

****

Я собрала вещи быстро, особо не раздумывая: пару рубашек, джинсы, дежурное платье, косметика, документы. Билет на самолёт купила онлайн. На самый ранний из возможных рейсов.

Потом спустилась в кофейню. Она уже закрывалась, но дядя Коля и тётя Маша ещё были там, вытирая стойку и считая выручку.

– Верочка? – удивилась тётя Маша, увидев меня в дверях. – Ты чего тут так поздно? У тебя же выходной сегодня! И разве ты не на свидании?

Я села за стойку, полностью игнорируя слова про брата Скворцовой. Дядя Коля вопросительно взглянул, досчитав деньги.

– Мне нужно срочно уехать в Питер. У родителей подруги беда – мама сломала ногу и попала в больницу. А она там одна с двумя маленькими детьми. Я… я не знаю, сколько точно я там проведу, но думаю, что до конца недели. Дождусь,

пока приедет муж подруги. Вы же не против? И, пожалуйста, присмотрите за котами. Они послушные, корм в нижнем ящике кухонной тумбы и…

Дядя Коля взял меня за руку, прерывая поток слов, и кивнул.

– Конечно, деточка. Не волнуйся. Мы с Машей справимся. Ключи оставь, я буду заходить, кормить, играть с ними. А ты… береги себя. И возвращайся скорее. Без тебя здесь пусто будет.

Тётя Маша крепко обняла, прижав к своей объёмной груди.

– Иди, милая. Помоги подруге и её родным. А коты… они в надёжных руках. Я им булочки испеку, без шоколада, конечно.

Я рассмеялась сквозь внезапно набежавшие слёзы, оставила ключи, обняла их ещё раз и с тяжелым сердцем поднялась к себе.

****

Ночь прошла беспокойно. Я ворочалась с боку на бок, то накрываясь одеялом с головой, то сбрасывая его на пол. Мозг отказывался выключаться и заканчивать бесконечный круговорот дерьмовых мыслей.

Лежала и смотрела в потолок, пыталась считать овец, вспоминать рецепты кофе, но ничего не помогало. Сон категорически отказывался приходить.

Наконец, ближе к рассвету, усталость взяла верх. Глаза за-

крылись, и я уснула. Хотя… лучше бы я этого не делала.

Я стояла у плиты, помешивая макароны в томатном соусе с базиликом. Тёма их обожал. В духовке запекалась курица в сливочно-чесночном соусе. Вкусный запах наполнял кухню, а я чувствовала себя… счастливой. По-настоящему.

Артём сидел за столом, с ноутбуком, но не писал, а просто смотрел на меня, с легкой улыбкой на губах, той самой, которая всегда заставляла моё сердце биться чаще.

– Принцесса, – сказал он лениво, откидываясь на стуле, – ты знаешь, что готовишь, как шеф из Мишленовского ресторана? Но выглядишь при этом так, будто у тебя там ядовитое зелье варится, а не ужин.

Я рассмеялась, повернулась к нему с ложкой в руках. Смех был искренним, лёгким, таким, какого я не слышала от себя уже очень давно, ну или никогда.

– Ну… считай, что я готовлю яд для твоей диеты, Макаров. Ты же говорил, что хочешь скинуть пару «лишних» килограмовм, а тут такой «жирный» ужин.

Он встал, подошёл сзади, обнял за талию, прижался губами к моей шее.

Его дыхание было тёплым, руки скользнули под мою футболку, погладили живот. От этого прикосновения по коже побежали мурашки, а в груди разливалось тепло.

– Я такое говорил? Не помню. Зачем это мне? Чтобы ты меня бросила за чрезмерную худобу?

– Родной, я не брошу тебя из-за такой ерунды. А вот если

ты снова забудешь купить молоко, очень даже могу.

Артем тихо рассмеялся, оставляя легкий укус на моем плече. Я ойкнула, повернулась в его руках и мазнула ложкой по его носу. Сама, не понимая зачем. Он хмыкнул, и в отместку потерся о мою щеку.

– Тёма! Прекрати!

– Ты первая начала, малыш.

Он лизнул соус с моей кожи, я фыркнула в ответ, упираясь ладошками в крепкую грудь, и зависла, когда теплые руки коснулись поясницы.

Пару секунд мы смотрели друг другу в глаза, а потом Тёма поцеловал меня, крепче прижимая к себе, мои руки обвили его шею, пальцы запутались в волосах. Поцелуй был долгим, глубоким, полным той любви, которая, казалось, будет жить вечно.

– Люблю тебя, язва в юбке, – прошептал он, отрываясь, но не отпуская. Его глаза смотрели с такой нежностью, что сердце сжалось. – Жизнь оказывается без тебя… такая пустая.

– Я тоже люблю тебя, товарищ лавровый листик, —ответила тихо, и слёзы навернулись на глаза. – И моя жизнь тоже все это время была пустой.

Мы поцеловались снова. Долго. Макароны и курица в итоге подгорели, но нам было всё равно.

Мы смеялись, готовились тушить огонь, ели подгоревшую еду прямо из сковородки, и в тот момент я была самой

счастливой на свете.

Я резко проснулась, сердце колотилось как бешеное. Часы показывали пять утра.

Сон, оказавшийся на деле одним из воспоминаний, прервался.

Слёзы текли по щекам. Мне очень давно не снилось прошлое. Почему именно сейчас?

Я встала, умылась холодной водой, сделала пару глубоких вдохов и выдохов, но легче от этого не стало. Уснуть снова я так и не смогла. Сидела на балконе, смотрела на море и плакала, тихо захлебываясь слезами.

Ревела по своему прошлому, по потерянному счастью.

Наконец-то наступило полноценное утро, пора было выдвигаться в аэропорт. Дядя Коля ждал внизу, он настоял, что отвезет меня сам.

Он улыбнулся, увидев, как я выхожу, но стоило ему взглянуть на мое опухшее после бессонной и слезливой ночи лицо, в его глазах заплескалась тревога, но вопросов от него не последовало.

– Готова, Верочка?

– Готова, – кивнула, садясь на пассажирское сиденье.

Старые «Жигули» завелись только с третьего раза. Дорога была долгой, и по большей части мы провели ее в молчании.

Когда до пункта назначения оставалось минут пятнадцать, дядя Коля тихо произнес:

– Ты береги себя там, в большом городе. Питер – он кра-

сивый, но холодный. И людей много. Не то что у нас.

Я улыбнулась.

– Не волнуйтесь, дядь Коль. Я ненадолго. Помогу и вернусь.

– Помоги, – кивнул он. – Семья – это главное.

Мы подъехали к зданию аэропорта, я обняла дядю Колю на прощанье и, выдохнув, зашла внутрь.

Быстро прошла регистрацию и теперь сидела в зале ожидания, глядя на взлётную полосу. И не знала, что моя поездка окажется большим обманом, организованным «исключительно во благо».

Глава 12

Артем

Я шёл по знакомому двору на Петроградке на ужин у четы Воронцовых. Аня настояла, что нам обязательно нужно увидеться «после такого насыщенного отпуска». Отказаться вариантов не было. В руках нес пакет с бутылкой хорошего красного вина, игрушками и коробкой конфет для детей.

Лиза осталась дома. Сказала, что устала. На самом деле мы оба знали, что она просто не хочет туда идти. Не хочет видеть Аню и всех остальных, не хочет вопросов, не хочет улыбаться через силу. Я её понимал. Она не вписывалась в нашу «семейную компанию», и иногда мне казалось, что она и не хотела быть ее частью. Но идти одному было ещё хуже.

Поднялся на третий этаж и позвонил. Дверь открыла Аня в темно-зеленом платье, с пышной гулькой на голове и Евой на руках. Малышка тут же потянулась ко мне, громко агукая.

Я взял её, поцеловал в макушку, пахнущую детским шампунем и печеньем.

– Привет, красавица. Где мой крестник?

– Ваня! – крикнула рыжая вглубь квартиры. – Дядя Тёма пришёл!

Из комнаты выскочил Ваня в пижаме с машинками и бросился мне в ноги. Я передал Еву маме, присел на корточки и крепко обнял крестника.

– Привет, чемпион. Соскучился?

– Очень! – он кивнул и, стрельнув взглядом в сторону мамы, тихо спросил: – Ты мне машинку привёз?

– Привёз, – я достал из пакета маленькую модель «Гелендвагена». – Будешь самым крутым в саду.

Глаза у него загорелись. Воронцова смотрела на меня и улыбалась, но в глазах явно читался вопрос.

– А где Лиза? – спросила она, когда мы прошли в гостиную. – Ты же говорил, что вместе придёте.

Я пожал плечами, поставив пакет на стол.

– Устала, и голова разболелась. День был тяжёлый.

Рыжуля, хмыкнув, кивнула, но я видел, что она не поверила. Но устраивать допрос пока что не стала.

Все уже сидели за столом, ведя тихую беседу, когда мы зашли в комнату. Максим поднялся мне навстречу, крепко обнял и проговорил:

– Давно не виделись, брат.

– Давно, точно, – хлопнул его по спине. – Как дела на работе?

– Нормально. Командировки достали, но в целом пойдет.

Андрей отсалютовал бокалом. Сидящая рядом с ним Света, улыбнувшись, махнула рукой. Она изменилась до неузнаваемости за прошедшие полгода с нашей последней встречи. Волосы теперь были не розовые, а светло-русые, и под голубым платьем был заметен приличный животик.

Ого. Много я, похоже, пропустил, погрузившись с головой

в работу.

Подошёл к ним ближе, поцеловал Полякову в щеку.

– Привет, красавица. Поздравляю.

– Спасибо, Тёма, – тихо сказала она, приобнимая меня за плечи.

Повернулся к Малинину, пожал протянутую руку.

– Поздравляю, Андрюх, это здорово.

– Спасибо, ты даже не представляешь насколько.

Поздоровавшись со всеми, уселся напротив. Стол ломился от количества блюд и закусок. Аня всегда умела готовить от души, но, судя по обилию еды сегодня, готовилась праздновать Новый год, а не обычные домашние посиделки.

Первые полчаса ужина прошли нормально. Ева лезла ко мне на колени, Ваня показывал рисунки. Максим разливал напитки, мы чокались за встречу, за детей, за здоровье. Одну, вторую, третью.

Света активно рассказывала о новой работе, Андрей молча кивал, иногда поправляя ее.

А потом началось.

Воронцова поставила на стол большую кастрюлю с вареной картошкой и как бы невзначай спросила:

– Тёма… а ты же с Верой виделся?

Я застыл с вилкой в руке. Полякова, ойкнув, прервалась на полуслове. Максим, закашлявшись, пробормотал:

– Аня, не надо.

– Да что «не надо»? – она уставилась на меня. – Я же про-

сто спросила.

Я медленно положил вилку на стол, откинулся на стул и срисовал, как все смотрели на меня в ожидании.

– Виделся.

– О! – воскликнула рыжая, не отводя от меня взгляда. – Как всё прошло? Вы… поговорили?

Злость мгновенно вспыхнула внутри. Я резко встал и, двинувшись в сторону балкона, произнес:

– Пойду покурю.

****

Аня

Как только дверь балкона за Артёмом закрылась, в комнате повисла гробовая тишина. Ева с Ваней продолжали возиться с машинкой у дивана, но все сидящие за столом замерли. Я смотрела на пустое место Тёмы и чувствовала, как внутри всё кипит от стыда и злости на саму себя.

Воронцова, ну надо же было как-то… помягче заехать.

Максим вздохнул, отставил бокал и тихо сказал:

– Ань, ну зачем ты начала?

– Нет, ну что я такого сказала? – я всплеснула руками. – Мы же друзья! Я просто спросила! Полтора года все дружно молчим, как будто её не существует, боимся с ним про нее заговорить, и все для чего?!

Света вдруг резко встала, едва не опрокинув стул, и, всплеснув руками, воскликнула:

– Потому что это больно, Анька! Ты что, не понимаешь?

Он её до сих пор любит! Он её никогда не переставал любить! И ты только что вонзила ему нож в сердце своим вопросом! Надо же как-то поделикатнее.

Закончив монолог, она тихо всхлипнула.

Андрей тут же подскочил, мягко взял её за локоть и пробормотал:

– Свет, сядь, ради бога. Тебе нельзя нервничать и активничать.

Она выдернула руку и повернулась к нему:

– Я беременна, Малинин, а не больна! Хватит меня опекать каждые пять секунд!

Он поднял бровь, кривовато усмехнулся:

– Малинина, я не опекаю, это называется забота. Сядь, пожалуйста, а я тебя за это поцелую.

Она фыркнула, но всё-таки плюхнулась обратно на стул. Он тут же придвинулся, обнял за плечи, поцеловал в уголок губ. Света уткнулась ему в плечо на секунду, потом снова выпрямилась.

– Так, – сказала я, понижая голос, чтобы дети не слышали. – Всё. Хватит. Мы это исправим. Прямо сейчас.

Максим посмотрел на меня скептически:

– Родная, ты сейчас опять какую-то авантюру придумываешь?

– Да! – я хлопнула ладонью по столу. – Потому что так дальше нельзя! Они оба мучаются. Я это вижу. Вера там где-то прячется, Артём здесь ходит как в воду опущенный и за-

чем-то “встречается” с Лизой. Надо их столкнуть, капитально так. И чтобы без возможности разбежаться.

Света повернула в мою сторону голову:

– Я так понимаю, что ты хочешь, чтобы Вера приехала в Питер?

– Да, хочу. По-другому точно не получится.

Я сделала паузу. Ребята скептически на меня взглянули.

– Но она никогда сама не приедет. Значит, нужно, чтобы мы ее позвали. И чтобы это было серьёзно.

Андрей нахмурился:

– То есть?

Я посмотрела на всех по очереди и выдала первое, что пришло в голову:

– Мама.

Максим хмыкнул и, откинувшись на спинку стула, уточнил:

– А причем тут твоя мама? Хочешь, чтобы она ей позвонила?

– Нет. Я сама позвоню Вере и скажу, что мама сломала ногу. И что мне нужна помощь. А никого нет рядом. Тогда она приедет. Не сможет не приехать. Она же такая. А как только она прилетит, мы придумаем план, как свести их вместе! Я пока не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю.

Света ахнула:

– Аня! Это обман!

– Это обман во спасение! – яростно прошептала я. – Свет,

ты сама только что сказала, что он её любит! И она его тоже! Я знаю Веру! Она просто боится! Надо дать им шанс нормально все обсудить.

Андрей покачал головой, но в глазах уже читался интерес.

– Ты сумасшедшая, Воронцова.

– Я отчаявшаяся, Малинин, – ответила я.

Максим потёр виски:

– А если она узнает, что мы её обманули? Она нас всех убьет. И будет права.

– Не узнает. Мама будет в курсе. Я ей позвоню и всё объясню. Она согласится помочь. Она тоже хочет, чтобы они были вместе.

Света посмотрела на меня, потом на Андрея, потом снова на меня.

– Я в деле, – сказала наконец-то, широко улыбаясь. – Только если Вера меня потом убьёт, ты заберешь детей на свое попечение! Тебя-то она не тронет, а вот мы с Андрюшей точно попадем под раздачу!

Малинин вздохнул, прижал её к себе и пробормотал:

– Мы все в деле. Но если Артём узнает, что мы его подставили, он нам с Воронцовым шею свернет.

Максим поднял руки, сдаваясь:

– Я вообще-то против подобной авантюры. Но знаю жену, даже не буду пытаться отговорить. Она всё равно сделает по-своему.

Я наклонилась к нему и быстро чмокнула в щеку.

– Люблю тебя, Максим Воронцов. Ты самый умный муж на свете.

– Я самый подкаблучный муж на свете, – буркнул он, но обнял меня за талию и прижал к себе.

Света хихикнула.

– Смотрите, какие мы все романтики. Обманываем людей ради их же счастья.

– Ради любви, – поправила я.

Мы все замолчали на секунду. Потом Андрей поднял бокал:

– За любовь, чёрт возьми.

Мы тихо чокнулись, и я уже мысленно продумывала, как совершу, возможно, один из самых важных звонков в моей жизни.

****

Артём

Дождь усилился. Капли стучали по козырьку балкона, как будто хотели выбить из меня остатки нервных клеток. Сигарета закончилась слишком быстро. Я зло потушил окурок в большой стеклянной пепельнице, подготовленной специально для меня, и посмотрел вниз на пустой двор, усмехаясь.

Виделись. Так хорошо встретились, что спину до сих пор саднило от глубоких царапин.

Балконная дверь тихо скрипнула. Я обернулся – на пороге стояла Света, обнимая руками живот.

– Ты в порядке? – спросила тихо.

– Да, – соврал я. – Просто… не надо было её вспоминать.

Она кивнула. Потом подошла ближе, встала рядом. Мы постояли так минуту-другую. Говорить не хотелось от слова совсем, и Света это явно ощущала.

– Прости, – сказала она в конце концов. – Это Аня… Ты же знаешь её.

– Знаю.

Полякова, я все еще не мог привыкнуть, что она теперь Малинина, похлопала меня по плечу, вздохнула и ушла обратно.

Я постоял еще пару минут, глядя в даль, и вернулся обратно в квартиру. И сходу понял: что-то не так.

Все сидели за столом и смотрели на меня одинаково странно. И вели себя так же. Аня разрывала салфетку на мелкие кусочки. Максим вдруг стал очень внимательно разглядывать свой бокал. Андрей громко откашлялся и начал переставлять тарелки, Света увлеченно расправляла подол платья.

– Что? – спросил я, останавливаясь перед ними.

Четыре пары глаз поднялись на меня одновременно.

– Ничего! – хором ответили они.

Громко. Слишком громко.

Я прищурился.

– Вы сейчас похожи на школьников, которых поймали за курением в туалете.

Рыжая нервно рассмеялась.

– Да всё нормально, Тём. Просто… обсуждали… детей!

Максим кивнул так активно, что чуть не пролил вино.

– Ага, да! Еве надо гардероб обновить, выросла уже из всего.

Андрей добавил:

– И… Ваня просил робота купить. А Поля – новую куклу.

Света просто кивнула, глядя в тарелку.

Я смотрел на них ещё секунду.

Врут. Определенно точно все дружно врут.

Но сил разбираться не было. Совсем. Усталость навалилась тяжелым комом. И от выпитого алкоголя, и от разговоров, и от вечера в целом.

– Ладно, странные вы, конечно, друзья мои, но да ладно. Я пойду, поздно уже. Спасибо за ужин.

Аня встала, подошла и крепко обняла.

– Мы тебя любим, Тём. Ты же это знаешь?

– Знаю, – я поцеловал её в макушку. – И я вас.

Попрощался со всеми. Но не успел выйти, как Ваня выбежал в коридор и, уткнувшись в мои колени, пробормотал:

– Дядя Тёма, а ты завтра придёшь? Поиграем с машинками!

– Не знаю, чемпион. Постараюсь заглянуть.

Ева помахала ручкой, сидя на руках у мамы. Я показал ей «пока-пока» и вышел.

Спустился по лестнице, вышел во двор и жадно прикурил. Какой-то сумасшедший день. Зря я вообще согласился прий-

ти. Надо было отмазаться тем, что и у меня голова болит. А так только всколыхнул воспоминания, которые успешно засунул поглубже.

В голове калейдоскопом промчались картинки с той ночи.

Так, хватит, Макаров! Отключай мозг. И иди домой. К Лизе. К жизни, которая вроде бы идёт своим чередом.

Двигаясь по проспекту к нашей с Лавровой квартире, я еще не знал, что через несколько дней всё в моей жизни перевернется с ног на голову.

Глава 13

Вера

Самолет приземлился в Пулково с небольшим опозданием. Я вышла из рукава в зал прилета, и меня сразу охватил знакомый до дрожи запах – кофе из автоматов, смесь приторно-сладких духов из Duty Free. Стоило сделать пару шагов, и что-то неуловимо питерское ощущалось повсюду. То, чего я не чувствовала полтора года. Сердце сжалось. Я глубоко вздохнула, чтобы не расплакаться прямо в аэропорту.

Телефон завибрировал, быстро глянув на экран, увидела сообщение от Ани:

«У столба 10, белый Range Rover 425».

Я покатила чемодан по знакомому пути, вышла на улицу, прошла до нужного места и резко замерла, увидев, кто стоит перед машиной с нужным мне номером.

Андрей Малинин в черной футболке и темных джинсах курил, прислонившись к дверце машины. Света в темно-синем платье, положив руку на аккуратно округлившийся животик, прохаживалась от столба к столбу. И, самое главное, мои глаза мгновенно зацепились за аккуратные, тонкие кольца на безымянных пальцах обоих.

Охренеть. Они поженились и ждут ребенка. А я даже не знала.

Света увидела меня первой. Глаза её расширились, она ах-

нула и бросилась ко мне так быстро, насколько позволял живот. Я только успела отодвинуть чемодан, как меня крепко обхватили тонкие руки. Она уткнулась мне в плечо, ее тело мелко задрожало.

– Верка… – прошептала она, голос сорвался. – Ты приехала.

Я обняла её крепче, чувствуя, как слёзы подступают.

– Приехала. Свет… поздравляю.

– Спасибо.

Андрей подошёл, молча подхватил мой багаж, потом приобнял меня одной рукой – крепко, по-мужски.

– Привет, Смирнова. Давно не виделись.

Я отстранилась от Поля… Малининой, посмотрела на них по очереди.

– Вы… когда вы только успели?

Света слегка улыбнулась, бросив взгляд на мужа.

– Весной. Я бы тебе написала, если бы знала куда.

Брошенный упрек в мою сторону достиг цели. Сердце больно кольнуло.

– Свет, прости…

– Закрыли тему, Вера! – резко проговорила подруга, подхватывая меня за руку. – Поехали, Аня там заждалась уже.

Андрей повез мой чемодан, и мы дружно двинулись к машине. Я шла между ними, Света держала меня под локоть, Андрей беспрерывно косился на жену, отслеживая, все ли с ней хорошо.

Это так… мило. У когда-то матери-одиночки, едва сводящей концы с концами, теперь муж и беременный живот, а у меня – полупустой чемодан и полтора года чужой жизни за спиной.

– Как ты? – спросила Света, когда мы сели в машину.

– Нормально, – соврала я. – Все хорошо.

– Мы скучали, – сказала она тихо. – Очень.

– Я тоже, – прошептала в ответ.

Мы ехали в сторону центра. Я смотрела на город и чувствовала, как он втягивает меня обратно. Как будто я никогда и не улетала. Как будто Бетта, кофейня, коты – это был просто длинный сон. А здесь – реальность. Серая, мокрая, но моя.

Андрей вёл машину ровно, никуда не торопясь. Света повернулась ко мне боком, насколько позволяли ремень и живот.

– Ну, рассказывай, – начала она мягко. —Чем живёшь?

Я пожала плечами, глядя в окно.

– Да даже не знаю, что тебе рассказать. Работаю бариста в маленькой кофейне.

– Бариста? – переспросила подруга, удивленно глядя на меня. – Вера Смирнова, гроза мира книгоиздательства, варит кофе?

Я молча пожала плечами.

– Нет, правда, ты серьезно научилась делать латте-арт и всё такое прочее? – продолжила Света.

– Ага, – я усмехнулась. – Раньше помогала новым авторам издать книгу, а теперь делаю идеальный кофе.

Андрей хмыкнул, глядя на меня в зеркало.

– Значит, теперь ты официально кофейный гуру.

– Типа того, – я улыбнулась. – А ещё двух котов завела. С улицы подобрала.

Света усмехнулась, поглаживая ладонью живот.

– Надо же, не думала, что ты любишь животных. У нас пока только вот, пинающийся будущий футболист, не иначе, – пробормотала подруга, бросив взгляд на мужа. – Но после родов точно заведём собаку. Успешно с Андреем держались, пока Поля не закатила истерику о том, что мы перестанем ее любить, как только малыш родится.

Маленькая манипуляторша, не иначе.

– Как она вообще? Уже большая совсем, наверное?

– Семь лет в декабре будет, – Света закатила глаза. – Скоро пойдет в первый класс. Еще не начала учебу, а уже умная до ужаса. Бегло читает, активно рисует, в художку с апреля ходит. И характер мой начала проявлять. Вчера заявила, что выйдет замуж только за того, кто будет варить ей какао лучше меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.